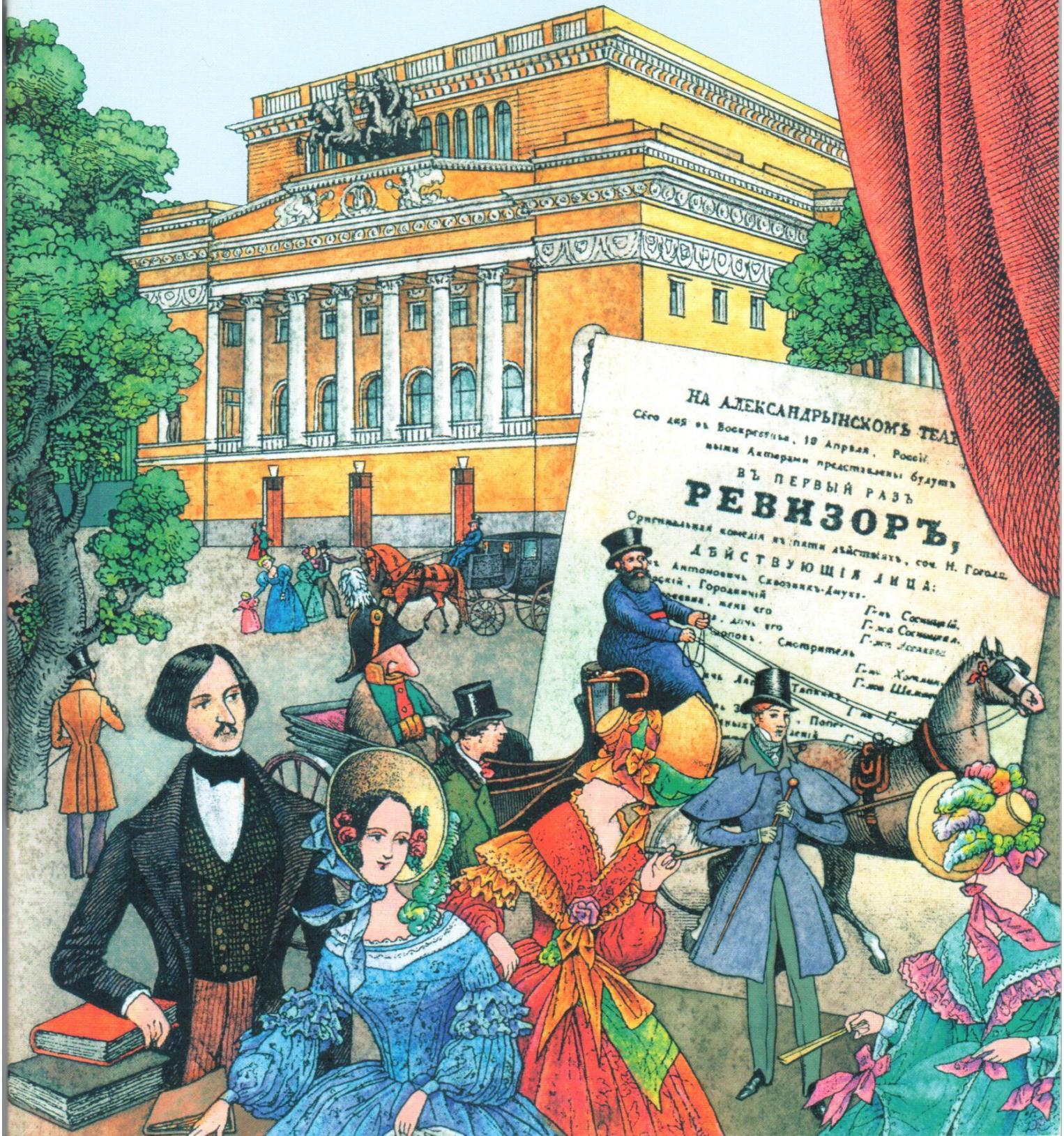

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ДЕТСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ №2 2009

ABTOBYC

АЛЕКСАНДР ВОЕВОДСКИЙ

СТАРАЯ РУССА

«Вы – соль земли» – говорил апостолам Христос. «В чём же соль?» – спрашивают, когда не могут ухватить суть. Хлебом-солью встречают дорогих гостей. Откуда же берётся соль?

Теперь соль добывают в шахтах, а раньше – выпаривали из солёной воды. Можно, конечно, брать морскую воду – но это долго и сложно. Море – не настолько солёное, к тому же, до него ещё нужно добраться. Гораздо удобнее найти солёный источник, только где же его искать?

С незапамятных времён солёные источники бывают к югу от бурного озера Ильмень, там, где река Порусья впадает в реку Полисть. Издавна селились там люди. Город свой они называют Русса.

Солёные источники кормили многих: тысячи валили лес для очагов. Сотни кузнецов ладили огромные противни-крены для варки соли. Особые мастера готовили длинные деревянные трубы, по которым рассол из источника самотёком поступал в варницы. И, наконец, десятки поваров поддерживали огонь в очагах. Своя варница была чуть ли не на каждом дворе.

Соляной промысел кормил рушан до середины XIX века. А что потом? Истошились источники. Выгодней стало возить соль издалека, чем добывать её под боком. Но соль в Руссе не перевелась. Русса стала курортом. Стали съезжаться сюда изнемогшие в боях солдаты, заслуженные офицеры, тоскующие разночинцы, скучающие красавицы, купеческие дочки на выданье и прочая публика. С утра принимали ванны, по вечерам смотрели спектакли, слушали концерты, гуляли. Приезжал сюда поправить здоровье и Фёдор Михайлович Достоевский. Останавливались надолго, писал «Братьев Карамазовых».

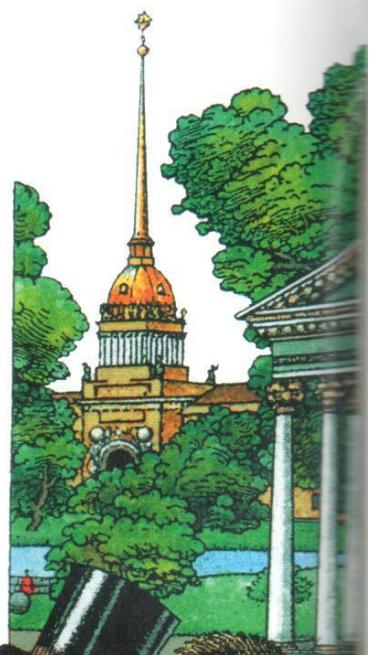
Даже после революции не перестал быть солёный Муравьёвский фонтан. Только публика сменилась: под ручку с местными барышнями вышагивали вокруг фонтана решительные чекисты и верные ленинцы.

Так продолжалось до самой войны. Война принесла рушанам неисчислимые беды. Ильменские болота задержали врага, но и Советской армии долго не давали освободить исторический город. Но город поднялся. Не впервый Руссе подниматься после нашествий.

Теперь же о боли и крови в Руссе почти ничего не напоминает. Всё так же неспешно текут Порусья и Полисть. В старой части города – всё те же симпатичные деревянные домики и чинные купеческие дома. А главное – сохранились храмы. Самый старый – Спасо-Преображенский – ещё XII века, старше Александра Невского. Другие помоложе, но тоже древние. Бережно сохраняют рушане древний список чудотворной Старорусской иконы Божьей Матери. Всё так же бьют солёные источники. Воду их можно попробовать. В добрый путь, дорогие читатели!

Александр Воеводский, талантливый историк, фотограф, экскурсовод. Его экскурсии так же поэтичны, точны и интересны, как его статьи и фотографии. Заказать экскурсии Александра Воеводского по Петербургу и по России можно в фирме «ЭКЛЕКТИКА». Невский пр., 44, бизнес-центр, офис 4.

Телефоны: 710-59-42, 710-59-54

Прошлое и настоящее в Петербурге переплелись так, что, кажется, существуют параллельно и одновременно. Прикрой глаза – и из неверного сумрака петербургского вечера вынырнет щёголь пушкинской поры или курсистка, приготовившаяся стрелять в градоначальника. Фантасмагорию Петербурга лучше всех уловил приехавший из Малороссии мелкий чиновник, ставший всемирно известным писателем. 200-летию со дня его рождения посвящено эссе Юрия Лютко.

Парадоксы градостроительной истории города раскроет статья Леонида Лаврова «Неслучившийся скандал». О музыкальной жизни Петербурга XIX века поведает статья Юрия Кружнова «Русская звезда польской пианистки». Жизнь музыкального Петербурга века XXI приоткроется вам в интервью, которое дал нашему журналу выдающийся скрипач, который сегодня руководит Петербургской консерваторией, Сергей Валентинович Стадлер. По нашей просьбе он поделился размышлениями о современной музыкальной жизни и о жизни музыкантов. Мы задавали много вопросов, и порой взгляды Сергея Валентиновича расходились с точкой зрения редакции, но тем интереснее будет читателю.

Вы найдёте в журнале рубрики «Семейное чтение» и «Автобусная остановка», подготовленные писателем Святославом Сахарновым. И вновь встретитесь с игрой «Город на ладони», которая позволит вам обзавестись «собственным» Невским проспектом.

На полях страниц мы разместили Блокадный календарь.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ДЕТСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
АВТОБУС
№2 (№63) 2009

Я только
констатирую
факты
стр. 2

Советский
неоклассицизм
(продолжение)
стр. 8

Не состоявшийся
скандал
стр. 12

Невский проспект
стр. 17

Абсолютно
верно
стр. 19

При свече
стр. 20

Русская звезда
польской
пианистки
стр. 24

Дом на Английской
набережной
стр. 27

«Ходил инкогнито
по Невскому
проспекту»
стр. 28

Новости
из Петергофа
Внимание!
Конкурс!
стр. 32

СЛОВАРЬ «БЛОКАДА»
(март–апрель 1942–43)

я просто констатирую факты...

Беседа с известным скрипачом Сергеем Стадлером

ИГОРЬ ВОЕВОДСКИЙ

В марте 1942 года в Ленинград прибыл первый блокадный обоз с

продовольствием, собранным жителями Партизанского края. Партизанский край был образован в Ленинградской области, на границе со Псковской, в начале 1942 года. Это была территория, полностью очищенная от захватчиков. Край был центром партизанского движения под Ленинградом и просуществовал до 1944 года. Его жители, чем могли, помогали ленинградцам.

Сергей Валентинович, обычно музыкантов, которые, как Вы, с самого детства выступают с концертами, жалеют, говоря, что у них из-за занятий музыкой не было детства.

Это не так. Я родился в музыкальной семье, и то, что я стал музыкантом, произошло как-то само собой. Когда я был очень маленький, я считал, что все люди: и дети, и взрослые, все играют на каком-нибудь инструменте. Поэтому для меня этот путь был очень естественен. Человек может многое добиться, если очень рано начинает заниматься тем делом, которое для него является главным. А для определенных видов деятельности это необходимо: балет, теннис... если вы не начинаете очень рано, вы на всю жизнь опаздываете. Выбор за родителями, потому что если человек захочет стать скрипачом лет в десять, будет поздно. Конечно на родителях лежит колоссальная ответственность, потому что скрипка – это школа. И если человек не-

правильно научен, он всю жизнь будет мучиться. Когда ребёнок учится игре на скрипке, важно, чтобы с ним всё время кто-то занимался. Когда он один занимается, он чаще всего занимается неправильно. Кстати, именно этим объясняется то, что часто у людей, которые чего-то добились в музыке, родители музыканты.

У меня, как мне кажется, была нормальная детская жизнь. Настолько, насколько она может быть нормальной у человека, который решил профессионально заниматься музыкой. Я не был вундеркиндом в том смысле, в котором сейчас употребляется это слово. «Эксплуатации детского труда» тоже не было. Как мне кажется, я жил нормальной жизнью.

И все-таки – вы занимались на скрипке потому, что сами хотели? или были моменты, когда папа или мама заставляли?

Задача родителей рассмотреть, к чему ребёнок склонен, и это развить.

если вы не начинаете очень рано,

Но в пять лет очень трудно определить...

Можно. Мой путь был традиционным. Десятилетка при Консерватории, Консерватория (я закончил её за четыре года) и аспирантура в Москве.

А сколько часов в день Вы играли тогда на скрипке?

Сложно ответить. Десятилетка – сложная школа, помимо музыки ведь были и образовательные предметы...

Вопрос возник потому, что в музыкальных школах детям часто говорят: «Ты должен заниматься два часа в день».

– Не знаю, мне трудно объяснить это.

Тогда поговорим о другом. Вы играли в самых разных концертных залах мира. И не только в концертных залах. Мне, например, посчастливилось слушать ваш концерт в Эрмитаже. Существует ли разница в ощущениях от исполнения в концертном зале или в таком вот музейном пространстве?

Мне очень нравится играть в музейном пространстве. Мы играли в музее Прадо, в Лувре... И, конечно, из всех музейных пространств больше всего мне нравится Эрмитаж. Его фантастически красивые интерьеры создают особое настроение. Ведь зал, в котором проходит концерт – тоже часть настроения исполнителя, и очень важная часть. Плохой зал отнимает пятьдесят процентов того, что может дать исполнитель. А залы Эрмитажа, наоборот, добавляют эмоций. В последний раз мы играли в Эрмитаже «Юдифь» Антонио Вивальди. А на стенах висели полотна того же времени, и это создавало дополнительные эмоции для всех: и для артистов, и для публики.

А в принципе зал – это очень важно! Понимаете, вся музыка, которой я занят, играю я или диригирую, создавалась для определённых условий. Чаще всего для не очень большого концертного зала с хорошей акустикой. Иногда в больших оперных залах чувствуешь себя неуютно.

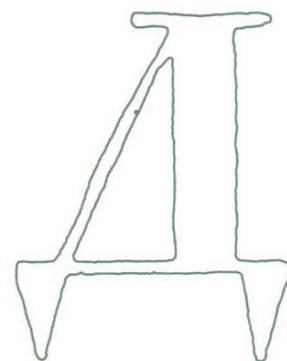

В Мариинском театре ощущаешь себя гармонично на любой опере, от Генделя до Вагнера, а вот в театре Бастилии (Париж) или в Метрополитен (Нью-Йорк) залы, на мой взгляд, уж слишком большие и не такие красивые. Если ты сидишь в театре Метрополитен наверху, то сцену видишь, как маленький экранчик, где бегают какие-то крошечные фигурки. И уже полноценного художественного впечатления ты не получаешь.

Вы дирижировали оперными спектаклями в разных странах мира. Как живёт опера в современных театральных зданиях? Например, в построенном лет пятнадцать назад в Хельсинки здании Оперного театра (снаружи, кажется мне, не соответствующим классическому представлению об оперном театре; правда, внутри я не бывал).

Как раз в Хельсинки ощущение оперного театра есть, зал внутри не слишком большой, с подобием ярусов. Театр в Хельсинки – один из немногих примеров удачной театральной постройки за последнее время. Но, конечно, я люблю старые красивые театры. Думаю, что все, кто

В марте 1942 года исполнком Ленгорсовета принял решение о мобилизации всего трудоспособного населения на работы по очистке дворов, площадей и набережных. Кучи мусора,

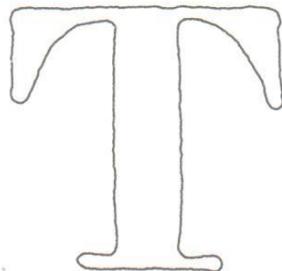
сугробы возле зданий достигали порой третьего этажа. С приходом весны городу грозили эпидемии. 15 апреля 1942 года ленинградцы вышли на улицы.

К вечеру город был практически очищен от снега, грязи, трупов. Это более 12 тысяч дворов, тысячи улиц, площадей и набережных; вывезено около миллиона тонн мусора и снега.

сейчас слушателей не «ЧТ

Если человек неправильно на-
учен, он всю жизнь
будет мучиться

В марте 1942 года в Невском районе был пущен первый грузовой трамвай — трамваи не действовали с 8 декабря 1941-го. Тогда же по ночам к линии обороны, проходящей у Кировского завода начал ходить паровой трамвай «Бесстрашный», он подвозил боеприпасы. 15 апреля вечером раздался первый после

4-х месячного перерыва звонок пассажирского трамвая. Трасса шла с Васильевского острова на Петроградскую сторону. К концу апреля 1942 года в городе уже действовало пять маршрутов, к лету — 12 маршрутов. Трамвай в Блокаду был основным общественным транспортом: троллейбусная контактная сеть была полностью разрушена, а для автобусов не было бензина.

любит оперу, в том же самом Париже с большим удовольствием идут в зал Гарнье, а не в Оперу Бастилии.

Еще один «оперный» вопрос: часто спорят, на каком языке исполнять оперу — на языке оригинала или на языке данной страны. Недавно я дважды побывал в Лондоне на спектаклях театра Королевский Гарден. В первый раз исполнялась немецкая опера для детей «Ганс и Гретель» Хаммердинка. Исполнители пели на немецком языке, а бегущей строкой на сцене под потолком давался перевод на английский язык. Второй раз мы слушали «Ромео и Джульетту» Беллини на итальянском языке.

Для меня ответ абсолютно однозначен. За очень редкими исключениями, которые можно пересчитать по пальцам, оперное искусство сегодня живёт за счёт того, что было создано раньше. И в связи с этим вырисовывается проблема оперного режиссёра. Режиссёра, который на самой первой премьере «Тоски» Пучини был не очень-то и нужен: он лишь определял, куда герой ставит подсвечник и в какую дверь уходит, левую или правую. Всё! Людям было интересно, чем всё закончится, и они слушали и смотрели премьеру, как мы сейчас смотрим детектив. Сейчас мы все знаем сюжет, мы все знаем, что дальше будет. И сейчас слушателей и зрителей волнует не «ЧТО?», потому что все знают, что, а «КАК?». Соответственно, опера сейчас живёт по этим критериям. Как они поставят «Пиковую Даму»? Как они будут петь? Как они будут играть? И что я увижу?

Проблема либретто и языка очень важна. Потому что в языке, в присущем ему наборе гласных и согласных звуков, существует своя музыка. Ну вот, например, первое появление Подьячего в «Хованщине». Какой там текст? «Гляди, строчила прёт! Гусь точит. Чернилище-то, Господи, вот, заскрипит-то...»

Как это перевести на английский язык? «There is some writ-

er?» Понимаете, да? Абсурд!

Существует музыка стиха. Вот передо мной партия «Травиаты». «Sola abandonata!» Невозможно это по-русски слышать. Музыкальный текст невозможно оторвать от мелодики языка. И великие композиторы сами писали либретто. Поэтому для меня ответ на этот вопрос абсолютно однозначен. Достойное подлинника исполнение обязательно — обязательно! — должно быть на языке оригинала!

И сейчас если театр настоящий, в нём оперы исполняются на языке оригинала. А если театр какой-то «сомнительный» там переводят на тот язык, на котором люди разговаривают вокруг.

Но в таком театре ты часто из-за плохой дикции певцов гадаешь: а на каком наречии они изъясняются? Поэтому даже смешно, когда поднимается этот вопрос. А поднимается он, в основном, очень пожилыми людьми, которые ни на одном языке, кроме родного, не могут даже «спасибо» сказать. Им что-то там надо понять. Хотя сюжет «Ромео и Джульетты» всем известен. Опять же — часто пятнадцатиминутный дуэт может строиться всего на двух фразах. Итальянский язык Беллини также неотделим от его музыки, как невозможен без немецкого языка Вагнер.

Как вы относитесь к современным оперным постановкам, в которых герои могут быть одеты во что-то совершенно непонятное и передвигаться по сцене на коньках или в автомобиле?

Критерий один: если это сделано талантливо, если это интересно и здорово — пусть ездят в автомобиле! Но такое, к сожалению, бывает очень редко. Талант — в наше время очень редкая вещь. Особенно в оперной режиссуре. Она связана с деньгами, с возможностью жульничества. Человек ничего не умеет, но по части создания имени себе у него большие таланты. И очень много

и зрителей волнует ТО?»,

постановок, совершенно эпатажных, появляется именно из-за отсутствия таланта: раз человек известный, так должен что-то этакое предложить... Или ставить «Риголетто» в декорациях, изображающих окрестности Мантуй? Так надо ещё этот город на карте найти. Понять, что там и как было во времена Герцога? Это трудно. А поставить «Риголетто», как в Мюнхене – в обезьяньем питомнике – это да! Все будут ахать, сердиться и ругать, а это и привлечёт внимание. И можно будет хорошо на этом заработать. Я видел подобные очень современные, очень яркие и хорошие постановки, но такое, конечно, бывает редко.

В разных интервью вы говорили, что оперы современных композиторов, как минимум, сложны для восприятия...

Понимаете, когда-то, во времена премьер опер Верди, на улицах было пусто, все были в театре! Такого уровня это были события. Тогда могли в «Трубадуре» несколько раз повторить арию на бис, по пять, по шесть раз! Это владело умами. А сейчас мы как бы эстетствуем, слушая оперу. А с другой стороны... увлечь по-настоящему может только премьера сочинения – сочинения, которого ещё никто никогда не слышал. Однако существует барьер между тем, что люди хотят слушать, и той музыкой, которую композиторы пишут. Новая опера, даже поставленная, скоро уйдёт со сцены, а «Аида» идёт себе и идёт. В данном случае я не сужу, а констатирую факты.

Может, это наше восприятие отстаёт?

Ну почему, почему отстаёт? Я был например, здесь в Малом зале на премьере Кончертто гроссо Альфреда Шнитке. Играли Гидон Кремер и Татьяна Гринденко. Там негде было не то что сесть, но и встать. И был дикий успех! Людям нравилось. Я не могу сказать, что я был знаком с Шостаковичем, но я как-то жал ему ру-

ку и видел его в жизни. То есть я могу считать себя до некоторой степени его современником. И я помню последние годы его жизни – к нему все относились как к безусловно великому композитору. Все прекрасно понимали, кто он такой. И это неправда, что нужно «отойти и посмотреть». Когда был жив Моцарт, все точно знали, что он гений. Все, даже тот, кто не ходил на его оперы. Просто сейчас музыкантов такого уровня у нас нет. Не то, что у нас нет современной музыки, её много, но... И это не только в России так, это мировая тенденция.

Просто, вероятно, эпоха не музыкальная. Вероятно, когда-то что-то изменится, и тогда...

Понимаете, мюзикл – это, грубо говоря, опера для дураков, адаптация оперы для людей с ограниченным возможностями.

Может быть, всё таки, это – другой жанр?

Да нет, это просто плохая опера.

А как вы относитесь к Ллойду Уэбберу?

Очень неважный композитор. Средний, но успешный. Успешный и хороший – это сегодня не синонимы. Потому что успех зависит от менеджмента, от рекламы и от реакции толпы. А классическое музыкальное искусство по своей сути было рассчитано на очень образованных людей. Император мог взять и набросать тему фуги, неважно какую. Все говорили, что он бездарь, этот император, но он садился и набрасывал для Моцарта тему фуги. Вот так!

Разъединение слишком далеко зашло. С одной стороны, то, что пишут сегодняшние композиторы – это игра разума, эстетская музыка, которая не то, чтобы ничего не говорит, но говорит что-то не то. А люди ждут со сцены чувств в звуках. С другой стороны – то, что им говорят, и то, что удовлетворяет их чувства – это жалкие примитивные поделки людей, которые стремятся заработать.

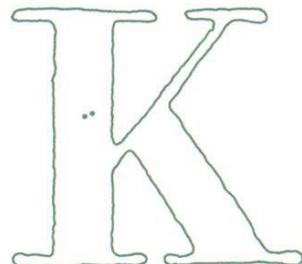
Может, здесь просто надо разграничить искусство и шоубизнес?

Музыкальный текст невозможен оторвать от мелодики языка. Великие композиторы сами писали либретто.

Весной 1942 года началась обработка и вспашка свободных участков земли в парках и садах, в пригородах под огороды. Огороды спасли жизнь многим жителям Ленинграда. Высаживались семенные культуры – капуста, морковь, петрушка, укроп.

В апреле 1942 года в городе начали работать кинотеатры, закрытые с декабря 1941-го. Первым открылся кинотеатр «Колосс», находившийся в здании Радиокомитета (ныне Дом радио) на углу Манежной площади и Малой Садовой (тогда – улица Пролеткульта).

Несмотря на то, что люди были до крайности истощены, желающих

попасть в кино было столько, что очередь за билетами тянулась по всей улице Пролеткульта и сворачивала на Невский проспект. Демонстрировались отечественные фильмы – «Маскарад», «Антон Иванович сердится» – и закупленные до войны американские – «Бэмби», «Большой вальс». Кино было «кусочком» мирной жизни, оно вливало в людей надежду на её возвращение, придавало им силы.

ак?».

объявите Первый концерт

В свое время и Иоганн Штраус был «шоу-бизнес», а сейчас это почти «Моцарт». Эстрада-то была качественная. Оперетта была жанром «непристойным», «низким», а сейчас Легар – это классика. Всё снижается. Вся эта планка шоубизнеса едет вниз. От мюзиклов типа «Мисс Сайгон» уши вянут!

А «Призрак оперы» Ллойда Уэббера?

Эта музыка мне с самого начала не понравилась. Эффект достигается за счёт большой зрелищности. На спектакль приходишь, как на фильм. С точки зрения менеджмента удалось многое сделать очень здорово. Ведь я лет двадцать назад, или пятнадцать, был на этом спектакле на Бродвее, а он, по-моему, до сих пор идёт. Что нужно сделать, чтобы двадцать лет, день за днём постановка собирала полный зал?

В разных ваших интервью я натыкался на слова о том, что «классическая музыка – это музей». Что Вы имели в виду?

Я не говорил, что вся классическая музыка – музей. Я говорил об исполнительстве. Люди ходят, в основном, на знакомую, любимую ими музыку. Я не говорю, что нет новой музыки. Она есть, композиторы пишут. Но они пишут не то, что люди хотят слушать. На концерте из произведений современной музыки будет пол-зала, третья. А объявите Первый концерт Чайковского – и получите полный зал. Хотите – считайте, что слушатели – примитивные люди, но сейчас всё складывается именно так. Поэтому я говорю только про исполнительство. Если сейчас устраивать концерты, как в эпоху барокко, когда исполнялись практически только недавно написанные произведения, то вся концертная жизнь прекратится через неделю. На всём земном шаре. Не только в России.

То есть можно что-то современное включить в программу, но в ней обязательно должна быть 40-я Симфония Моцарта. Все концертные программы строятся по такому принципу: есть какое-то современное сочинение, какой-то

хороший солист и – 5-я симфония Бетховена. Это данность. Вот это я и называю «музеем». Люди хотят в концертах слушать знакомую им музыку прошлого. Не знаю почему, не знаю я. Вот купите диск кого-нибудь из современных композиторов – будете его ночью слушать для удовольствия? Вот вам и ответ.

Я не знаю, отчего эти процессы происходят, но они планетарные какие-то. Я только констатирую факты. Ведь и современная живопись всё чаще напоминает какую-то мазню человека, который выскочил из психушки.

А может, через сто лет её будут воспринимать по-другому?

Да не будут...

Импрессионистов ведь тоже не воспринимали...

Не все, кто-то скупал их картины.

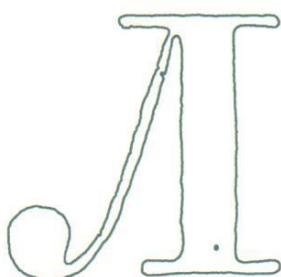
И сейчас кто-то скупает то, что сейчас рисуют. Лет тридцать назад я учился хоровому дирижированию. Существовал целый ряд композиторов, которых мы хотели исполнять, а слушатели – слушать. Того же самого Юрия Фалика. Его «Незнакомку» все хоры пели, Свиридова пели, Гаврилина ... Было довольно много композиторов, которые были востребованы...

Вы называете людей старых, а молодежь-то где? Многие новинки воспринимаются как игра ума, а не творчество.

Насколько я знаю, катастрофически упал престиж музыкального образования. В Десятилетку при Консерватории всегда был безумный конкурс, а теперь нет. Очень тяжело педагогам – блистательным музыкантам, которые получают сущие копейки...

Мы стараемся изменить это положение, помогают гранты. То, о чём вы говорите – наследие девяностых годов, когда государство просто перестало платить гуманитариям. Ведь в эту школу поступают дети, родители которых хотят видеть их с самого начала профессиональными музыкантами. Часто бывает, что ребёнок, попробовав учиться, втягивается в занятия, и у него получается.

В апреле 1942 года, в связи с началом таяния льда, была остановлена работа «Дороги жизни» через ладожский лёд. Однако были наложены поставки по воде, по воздуху и по железной дороге, также под постоянными обстрелами. Но с продовольствием в городе стало лучше. Норма хлеба увеличилась до 500 г. в день, не считая крупы. Бывали дни, когда выдавали даже немного мороженого мяса. Весной 1942 года в обеспечении населения

продовольствием наметился перелом. В апреле 1942 года в городе были восстановлены водопровод и канализация. К апрелю 1943 года к водопроводу было подключено 99% домов. Заработали бани. Они отапливались дровами и торфом. Первая баня была открыта на улице Некрасова, возле нынешнего Театра кукол (сейчас этой бани уже не существует).

от Чайковского —

Но пробовать – получится не получится – должны, как правило, в районных музыкальных школах. А в Десятилетку должен быть конкурс, здесь должны учиться будущие профессионалы. И то, что конкурс маленький – очень тревожный симптом. Это значит, что родители не хотят видеть своих детей профессиональными музыкантами.

Сейчас экономическая составляющая жизни очень важна. Жизнь очень изменилась. Жизнь в России сейчас достаточно спокойная и достаточно неплохая в материальном плане. Я имею в виду последние годы. Люди поняли, что должны много получать. Поэтому материальная составляющая стала очень важной, и вот результат. Сейчас материальное положение музыкантов стало лучше. Я думаю, это тоже поможет. Но, опять же, само собой ничего не изменится. Надо много работать. Надо сделать так, чтобы эта Школа-девяносто была элитной, чтобы там было престижно учиться. И это не только вопрос морали...

Раньше было много музыкальных кружков, и ребёнок, который не стремился в Десятилетку и не попадал даже в районную музыкальную школу, мог заниматься в каком-нибудь Доме пионеров, где родители платили полтора рубля в месяц или не платили вовсе. Сейчас все эти кружки исчезли. Осталось 25-30 музыкальных

школ в городе. И вот какая проблема возникает. Ребёнок занимается в музыкальной школе, звёзд с неба не хватает, но музыкально развивается. А ему говорят: ты слаб, ты недостаточно играешь, вот тебе «З», больше ты не заслуживаешь...

Отсутствие вот таких кружков снижает общий уровень нации, общий уровень культуры. Выпускник музыкальной школы не обязательно должен стать профессионалом, но, может, он будет играть на скрипке для удовольствия, как Шерлок Холмс. А потому нужны и районные музыкальные школы, и кружки в образовательных учреждениях. Чтобы все могли учиться на том уровне, на котором способны. Это должно работать на всех уровнях.

Мы злоупотребляем вашим временем (уже десятый час вечера), но, если можно, буквально два слова юным и взрослым читателям журнала «АВТОБУС»?

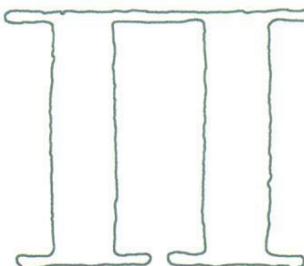
Заставлять заниматься музыкой бессмысленно. Музыка – это такой своеобразный мир, в котором можно жить только если вам это очень нравится. Очень интересный мир, но он требует определенных знаний и умений, даже для того, чтобы с ним познакомиться. Ребёнку нужно его показать. Вдруг понравится?

Поэтому для общего развития немножко заниматься музыкой полезно любому человеку.

Отсутствие музыкальных кружков снижает общий уровень нации, общий уровень уровня культуры.

Весной 1942 года войсками Ленинградского фронта была предпринята вторая попытка прорыва Блокады (первая была в январе), однако и она закончилась неудачей. Всего за 1942 год было сделано пять попыток прорыва.

В марте 1942 года немцы решили усилиться артобстрелы города. Немецкая армия подтянула к Ленинграду сверх дальнобойные орудия, стрелявшие на

расстояние до 28 км. Вес снарядов достигал 900 кг. Особенно много разрушений и жертв приносили обстрелы с Пулковских высот.

Немецкие пушки стреляли не только по стратегическим объектам, но и по местам скопления людей, например, по трамвайным остановкам.

По этой причине остановки переносились на новое место чуть ли не каждый день.

СОВЕТСКИЙ

НЕОКЛАССИЦИЗМ

ИГОРЬ ВОЕВОДСКИЙ

В этом номере мы завершаем разговор об архитектуре классицизма в Петербурге XVIII-XX веков, начатый в 4-м номере журнала за прошлый год.

Как помнит внимательный читатель, в предвоенное десятилетие в Ленинграде появилось множество зданий в стилистике неоклассицизма. Этот стиль многими архитекторами воспринимался, как логичное продолжение Петербурга Кваренги, Росси, Стасова. Симметричность, пропорциональность и предопределённость всех деталей устраивала также и тоталитарную власть, стремившуюся руководить всем, что происходит в стране, включая творчество.

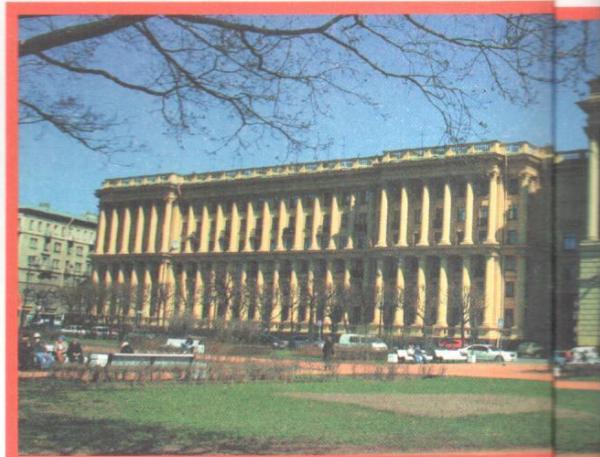
Не удивительно, что в десятилетие, последовавшее после окончания Великой Отечественной войны, практически всё строительство в Ленинграде велось в этом стиле. И дело не только в давлении сталинского режима. Ещё во время Блокады, в са-

Невский проспект, д. 36

Невский проспект, д. 38

мую страшную зиму 1941-42 годов, в насквозь промёрзших комнатах голодные, полуживые архитекторы Ленинграда создавали эскизы триумфальных арок и новых жилых домов, которые они построят после Победы. И многие, отталкиваясь от триумфальных арок Древнего Рима, создавали классицистические проекты. А в 1943 году, задолго до снятия вражеской блокады, началась работа над проектом Генерального плана восстановления и развития Ленинграда.

В соответствии с этим планом, в послевоенные годы город не просто восстанавливался. Кардинально менялась концепция планировки, предложенная в предвоенные годы. Вместо создания нового ядра города в конце Московского проспекта вокруг Московской площади или создания ядра вдоль всего Московского проспекта, архитекторы возвращаются к традиционному для Петербурга формированию города вокруг исторического центра. Город развивается на Север и Северо-Запад вдоль Приморского проспекта и проспекта Карла Маркса (Большой Самсониевский). Ведётся активное строительство на Охте, в Невском и Кировском районах. В этих районах и сейчас можно видеть значительное количество добрых классицистических построек с прекрасно прорисованными фасадами.

Реконструируется в духе классицизма и принимает законченный вид ряд центральных пло-

коединяющей Инженерную улицу с Манежной площадью. Но она появилась именно в послевоенные годы, когда по проекту архитекторов Н.В. Баранова, Е.И. Катонина, В.Д. Кирхоглани были снесены случайные постройки, располагавшиеся на этом месте, и открылась панорама Михайловского замка. Правда, не удалось снести здание Офицерского корпуса Уральской казачьей сотни, закрывающее вид на замок от Манежной площади.

Тогда же, в конце сороковых годов, одновременно с восстановлением разрушенных бомбёжками и обстрелами построек, ряду зданий, перестроенных в конце XIX – начале XX века, были возвращены их классицистические фасады. Так, российский облик вернулся к домам 36 и 38 по Невскому проспекту, в соответствии с российскими проектами изменилась и построенная перед войной из белого кирпича школа на площади Искусств. В классицистическом духе перестроен фасад дома 30 по Невскому проспекту. После пожара 1946 года приобрёл классицистический фасад дом на Литейном 46.

Можно привести и другие примеры, но обратимся к новым постройкам сороковых – начала пятидесятых годов.

«Гимном колоннам» называют здание Ленниипректа и соседний с ним жилой дом (дома 3 и 5 на Троицкой площади). Украшающие их отдельно стоящие колонны и выступающие из стены трёхчетвертные колонны вызывают в памяти построенный А. Палладио дворец Кьериати с таким же сочетанием отдельно стоящих колонн и трёхчетвертными колоннами. Архитекторы О.И. Гурьев, Я.Н. Лукин, А.П. Щербенок умудрились построить эти здания так, что они органично воспринимаются единым ансамблем с построенным в 1930-х годах конструктивистским зданием Дома Политкаторжан.

Ярким воплощением классицистических традиций являются наземные павильоны станций первой линии метро: Автово, Ки-

Троицкая площадь, д. 3-5

щадей: Обуховская – на пересечении Московского проспекта и Фонтанки, площадь Мира (Сенная), площадь Революции (Троицкая). Возникают новые площади у Финляндского вокзала, на левом берегу Невы перед Большешохтинским (Петра Великого) мостом. Тогда же преобразилось пространство между Михайловским замком и Манежной площадью. Нам, живущим в конце XX – начале XXI века, сложно представить себе, что когда-то не существовало Кленовой аллеи,

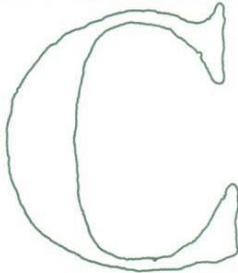

Станция метро «Владимирская»

Средний проспект В.О., 82

Весной 1942 года резко снизилась смертность

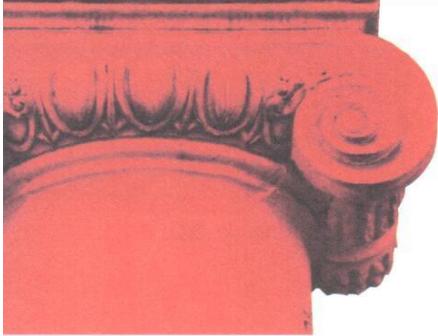
среди населения. Причиной стало не только улучшение ситуации с продовольствием, но, к сожалению, гибель к тому времени большинства стариков, истощенных и больных людьми зимой 1941-42 годов. Теперь больше людей погибало не столько от голода, сколько от бомбёжек и обстрелов. Немало людей гибло от рук мародёров и грабителей, хотя по военным законам пойманные на месте грабители подлежали расстрелу на месте.

Московский проспект, 202

Московский проспект, 189-195

ровский завод, Пушкинская, Балтийская, напоминающие и Биржу Тома де Томона, и античные храмы, от которых отталкивался создатель Биржи. Выразительны и более новаторские, но также решённые в духе классицизма, павильоны станций Технологический институт и Владимирская.

ины в парках Царского Села. Полукруглая площадь с расходящимися веером улицами-лучами, с домами, оформленными в том же стиле, является прекрасный пример неоклассицизма середины XX века. Можно только удивляться тому, что авторы комплекса подверглись острой критике начальства и не смогли цели-

В Ленинграде всю Блокаду существовал «чёрный рынок», где можно было купить как продовольствие, так и вещи. Вещи шли за бесценок, как правило, их обменивали на хлеб, сахар или другие продукты. Весной 1942 года, когда положение с продовольствием улучшилось, буханка хлеба по-прежнему стоила на «чёрном рынке» 600-700 руб. Для примера — билет в кино стоил от 10 до 30 копеек. Трамвайный билет — 3 копейки.

Масштабные работы велись в послевоенные годы и в пригородах. Одна из интереснейших работ, выполненных в стилистике неоклассицизма архитекторами Е.А. Левинсоном и А.А. Грушке — вокзал и ансамбль привокзальной площади в Пушкине (Царское Село). Созданный на месте разрушенного в годы войны, нового вокзала состоит из главного двухэтажного здания и связанных с ним одноэтажных корпусов. Единство комплексу придают строгие колонны, украшающие второй этаж главного здания и одноэтажные павильоны. Соединяющие корпуса живописные арки, отделанные путевской плитой, пробуждают воспоминания об античных постройках и одновременно предваряют многочисленные сооружения-ру-

ком реализовать свой замысел. Впрочем, позднее они получили Государственную премию. В книге Ю.И. Курбатова «Петроград Ленинград Санкт-Петербург. Архитектурно-градостроительные уроки» приводятся следующие слова Е.А. Левинсона: «Когда приезжаешь в Пушкин, смотришь на вокзал, на площадь, проходишь по улице Ленина, видишь отдельные несовершенства архитектуры, зависящие от тебя, то думаешь, что оценка во времени может быть несправедлива, ибо кто знает или будет знать «кухню» нашего творчества!.. и никто, разве кроме искусствоведов не будет знать КАК они создавались, КТО корректировал их реализацию, давал «волевые» советы, обязательные для выполнения, как ОН зависел от

Х

«чёрного рынок», где можно было купить как продовольствие, так и вещи. Вещи шли за бесценок, как правило, их обменивали на хлеб, сахар или другие продукты. Весной 1942 года, когда положение с продовольствием улучшилось, буханка хлеба по-прежнему стоила на «чёрном рынке» 600-700 руб. Для примера — билет в кино стоил от 10 до 30 копеек. Трамвайный билет — 3 копейки.

Комсомольская площадь

Станция метро «Кировский завод»

строителей, не имея прав для конкретного влияния на них...»

Вокзалом и площадью в Царском Селе мы можем любоваться и сейчас, а вот Кировский стадион – интереснейший образец классицизма сороковых годов XX века, строившийся по проекту архитекторов А.С. Никольского, К.И. Кашина, В.В. Степанова, при участии А.А. Заварзина, к сожалению, несколько лет назад снесли, чтобы построить новый современный комплекс.

Шли годы, и монументальная помпезность сталинского неоклассицизма всё более входила в противоречие с задачами быстрого строительства недорогого жилья, тормозя развитие строительных технологий. Это противоречие, как мне кажется, заметно при внимательном взгляде на фасады многих зданий на Московском проспекте и в Автово. У множества значительных по масштабу семи-девятиэтажных зданий портики, колонны, обелиски на кровле и другие элементы из классицистического набора смотрятся не столь органично. Они, как мне кажется, становятся такими же «обязательными» элементами архитектуры, как славословие Сталину в начале и в конце любой речи, любой книги. Подобным образом я воспринимаю украшение фасадов домов 191 и 193 (арх. С.Б. Сперанский 1955 г.) и 202 (арх. М.Е. Русаков и В.М. Фромзель) на Московском проспекте. Ощущение неограниченности, необязательности украшений достаточно монотонных в целом фасадов возникает от несопоставимости, измельчённости этих деталей в сопоставлении с

масштабом зданий. Очевидно, что архитекторы были вынуждены одновременно искать возможность дать больше жилых метров, удешевить постройку, унифицировав все окна на фасаде, и в тоже время украсить его классицистическими элементами.

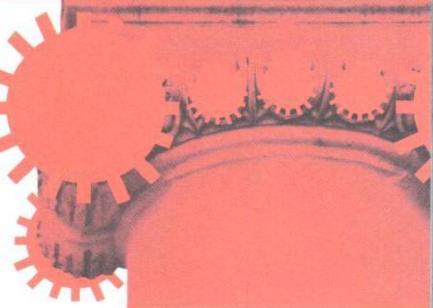
Развенчание культа личности Сталина позволило Н.С. Хрущёву перейти к совершенно иным задачам в строительстве. Желая

Проспект Средне-Охтинский, 67

быстро переселить миллионы граждан из коммунальных квартир в отдельные, он потребовал отказаться от архитектурных излишеств». Архитектура превратилась в «собирание из конструктора» домов-коробок. Архитектурному облику городов был нанесён огромный ущерб, но миллионы семей получили отдельные квартиры. Казалось, стилистика неоклассицизма была навсегда отброшена в прошлое. Но в конце XX века на Западе, например, в Париже появились постройки Риккардо Бофилла в русле классицистической традиции. Да и нынешние петербургские архитекторы очень охотно прибегают к стилистике неоклассицизма.

Возможно, мы вернёмся к разговору о новом классицизме конца XX – начала XXI века в одном из следующих номеров.

Несмотря на голод, отсутствие медикаментов и нехватку врачей и больничных коек, в Ленинграде не было эпидемий, не было цинги, вечной спутницы голода. Цинга – болезнь, при которой разрушаются мышечные ткани, сначала выпадают зубы, волосы, потом человек умирает.

Одним из старинных

средств от цинги был табак. По этой причине в Ленинграде в Блокаду работали три табачных фабрики.

Табаком снабжалась прежде всего армия, где табак по ценности шёл после сухарей и хлеба.

Населению табака и махорки доставалось мало, и люди курили смесь сухих дубовых листьев с опилками и тёртыми желудями.

Единственный случай, когда курение приносило пользу.

НЕСЛУЧИВШИЙСЯ

СКАНДАЛ

Проект реализован на средства гранта Санкт-Петербурга

ПАРАДОКСАЛЬНЫЙ
ПЕТЕРБУРГ

ЛЕОНИД ЛАВРОВ

Площадь Островского в прошлом году была местом многих интересных городских событий – здесь устраивались ярмарки, гуляния, проводились праздники, здесь заливался каток. Все эти события привлекали внимание газет, кинохроники, телевидения. Забавно, что описывая происходящее, никто из журналистов не включил в свои репортажи информацию о новостройке, только что возникшей на площади и завершившей формирование её ансамбля. Речь идёт о здании, появившемся рядом с Александринским театром.

Участок очень долгое время пустовал, а рядом стояли здания – признанные памятники архитектуры, поэтому, когда в начале 1990-х годов возникли предложения о размещении на этом месте новой гостиницы, в Государственной инспекции по охране памятника уверенно заявили: «Что бы тут не появилось – скандала не миновать!».

Действительно, площадь Островского и примыкающие к ней участки городской территории занимают особое место в истории отечественного зодчества. В конце XVIII века по реке Фонтанке проходила городская граница, и весь этот участок имел периферийный характер.

На берегу Фонтанки разместился комплекс Аничкова дворца, на углу Невского и Садовой стоял корпус Публичной библиотеки, а остальную часть занимала неплотная застройка обывательскими домами и стихийно сложившиеся пустоты.

Лишь вдоль Фонтанки дома стояли «сплошной фасадой». Квартал пересекался Аничковым переулком, связывавшим Садовую с Фонтанкой.

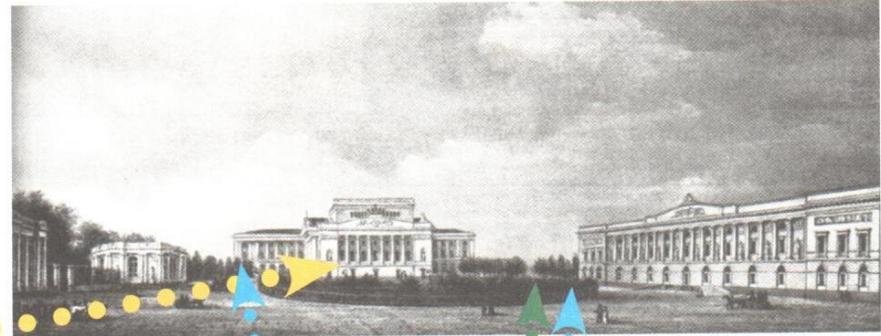
Карл Иванович Росси в 1820-е годы занимался реконструкцией прилагающих к Невскому терри- торий. Участок возле нынешней площади Островского выделяется среди созданных им в те годы петербургских ансамблей.

Маститый зодчий разработал не- сколько ва- риантов проек- та.

Как и в других его рабо- тах, новый градострои- тельный ан- самбль должен был радикально преобразовать скла- дывающуюся ситуа- цию: конфигурация но- вой площади никак не уч- тывала границы участков, сложившихся к тому времени. Малый (деревянный) театр долж- нен был быть снесен, а вновь про- биваемая улица по диагонали пе- ресякала квартал. Созданная Росси Торговая улица (длина – 220 метров, ширина – 22 метра, высота ограничивающих ее фасадов – те же 22 метра) в наши годы увековечила имя великого зодче- го и признана одним из замечательных символов российской Северной столицы.

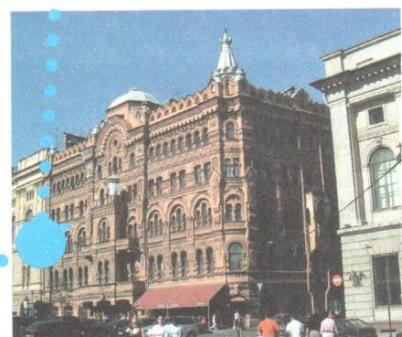
Площади была уготована иная судьба. Сам Росси, помимо центрального объекта площади – Александринского театра – смог осуществить по её границам только строительство двух флигелей, примыкающих к устью бывшей Торговой улицы, новый корпус

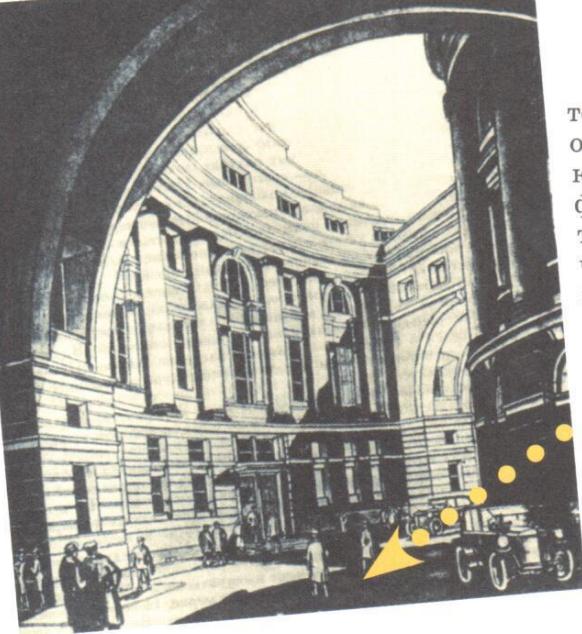

Публичной библиотеки, да павильоны Аничкова дворца. Исследователи обнаружили лишь некоторые схемы ее застройки. Предложения по формированию фланкирующих театр фасадов неизвестны. Доктор архитектуры М.З. Тарановская в 1960-70-е годы попыталась создать гипотетическую картину площади Островского – какой она могла бы быть по замыслу Росси.

Реальность была иной. На перспективном рисунке можно видеть пустоты, открывающиеся на заднем плане картины за представительными фасадами театра, за павильонами Аничкова сада и Публичной библиотекой. Эти пустоты стали заполняться во второй половине XIX века в соотве- ствии со вкусами и запросами эпохи, но в соответствии с заданными Росси параметрами фасадной линии и высоты зданий. Наиболее удачными признаны дом Санкт-Петербургского городского кредитного общества, построенный по проекту В.А. Шретера в духе неоренессанса, и доходный дом Н.П. Басина – яркий образец архитектуры в «русском национальном стиле». Несколько позже, в конце XIX – начале XX века, по «красной линии» площади Островского встали фасады нового корпуса Публичной библиотеки в духе неоклассики (архитектор Е.С. Воротилов) и здания Московско-Виндавско-Рыбинской железной дороги, в котором архитектор А.А. Гречанников соединил образы неоклассики и модерна.

Тем не менее, стилистика российского «русского ампира» продолжала волновать зодчих нашей эпохи, и в конце 1920-х годов появились предложения В.А. Щуко и В.Г. Гельфрейха по развитию и расширению Публичной библио-

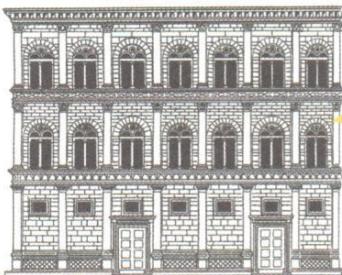
теки, которые во многом опирались на «rossieвские» архитектурные формы. Этот проект был тем более знаменателен, что он появился на свет в период господства конструктивизма (можно напомнить, что в 1925-1930 гг. в Ленинграде появились такие яркие конструктивистские постройки, как жилой комплекс на Тракторной улице, фабрики-кухни в Кировском и Выборгском районах, Дом

культуры им. Ильича на Московском проспекте и др.). Очевидно, именно стремление продлить и развить «rossieвский дух» оказалось решающим в этом предложении.

Когда в конце XX века стала актуальной задача застройки свободного участка рядом с Александринским театром, на южной

мастерской Е.Л. Герасимова возникали самые парадоксальные образы – от неоконструктивизма до историзма. Градостроительный совет города неоднократно выставлял эти проекты на рассмотрение, давал рекомендации (иногда весьма противоречивые) и, наконец, в 2008 году леса, закрывавшие корпус новостройки были сняты. Когда это произошло – могут сказать лишь немногие. Горожане, приходящие на площадь для прогулок или свободного времяпровождения, спокойным взглядом окидывают привычную картину и не находят в ней ничего раздражающего.

Парадокс заключается в том, что новая гостиница по основным пространственным параметрам увязана с соседними постройками, а метод декорирования развивает традиции формирования фасадов площади: все постройки, созданные после России, стилистически не повторяют друг друга, а демонстрируют широту архитек-

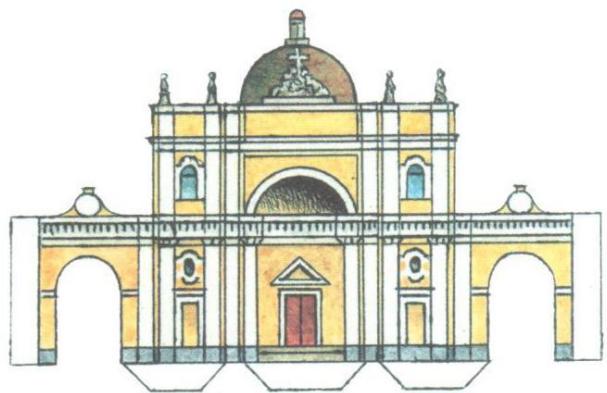
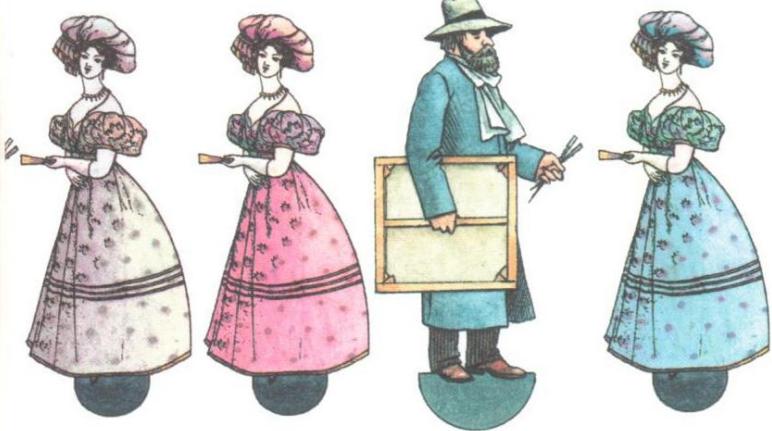

стороне площади Островского, то архитекторы точно также полагались на силу российских традиций, и разработанный ими вариант представлял новый корпус гостиницы таким, каким его, вероятно, мог бы нарисовать сам Карл Иванович!

Однако, реакция общественности и профессиональной прессы была весьма холодной. Тогда-то и прозвучали из Государственной инспекции по охране памятников слова о безусловном провале любого возможного предложения для этого участка.

Задача действительно оказалась нелегкой. В архитектурной

турной палитре. Авторы новой гостиницы сообщают, что они вдохновлялись образами флорентийского палаццо Ручеллаи. Но они ушли достаточно далеко от сурового ренессансного прообраза, ввели дополнительные креповки, увеличили вариации оконных проемов, украсили фасады скульптурой. Такая современная версия неоренессанса оказалась очень уместной по соседству с неорусским стилем, неоклассикой, классицистическим модерном и неоренессансом XIX века. Скандал не состоялся!

НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ

(Продолжение, начало в № 1 2009)

У дома 30, на углу канала Грибоедова, наверное, одна из самых богатых историй среди петербургских домов. В 1759 году на этом месте Ф. Растрелли построил для генерала А.Н. Вильбоа трёхэтажный особняк с прекрасным залом. В конце XVIII дом взял в аренду француз Лион. «У Лиона» устраивались пышные балы и маскарады, лотереи, концерты. В 1799 году дом купил «первостатейный купец», миллионер М.С. Кусовников. В 1802 году в зале дома Кусовникова открыло свои концерты Филармоническое общество. Здесь впервые исполнялись новые произведения И. Гайдна, Л. Бетховена. В 1820-30 в доме располагалась книжная лавка и салон издателя И.В. Слёнина, где бывали А.С. Пушкин В.А. Жуковский, А.А. Дельвиг, П.А. Вяземский, Н.М. Карамзин. В 1829-32 дом перешёл к дочери Кусовникова и её мужу – полковнику В.В. Энгельгардту. Архитектор П.П. Жако кардинально перестроил здание, и в этом виде оно дошло до наших дней. В «доме Энгельгардта» устраивались балы-маскарады, на которых бывали Пушкин, М.Ю. Лермонтов; самые знаменитые артисты выступали на его эстраде – Г. Берлиоз, Ф. Лист, Р. Вагнер, П. Виардо, А.Г. Рубинштейн. Эти концерты перемежались выступлениями иностранных артистов «лёгкого жанра» – иллюзионистов, актеров-пародистов, куплетистов. Некоторое время здесь работала книжная лавка А.Ф. Смирдина. Кто только не располагался потом в этом здании – Купеческий клуб, Малое Мещансское собрание, издательство А.Ф. Базунова, Купеческий банк, кондитерская «Жорж Борман»... После 1917 года в доме размещались различные организации. В 1949-м здесь открылся Малый зал Ленинградской филармонии. В 1968 году в левое крыло здания был встроен вестибюль станции метро «Гостиный двор».

Дома 32-34 и размесившийся между ними собор св. Екатерины (без номера дома, культовые сооружения по традиции номера не имеют) – это бывшее владение петербургской католической общины, куда входили итальянцы, французы и поляки. Община получила участок в 1738 году по указу Анны Иоанновны. Первую каменную церковь построил П.А. Трезини, затем её перестроил А. Ринальди, пристроивший также два дома для клира (ныне 32 и 34); затем собор перестраивал Ж.-Б. Валлен-Деламот, наконец, Ринальди слегка упростил фасад, и в таком виде собор дошёл до наших дней. Зал его был расписан известным художником Д. Валериани, но в 1897-м по эскизам Г.Д. Гримма была создана новая роспись.

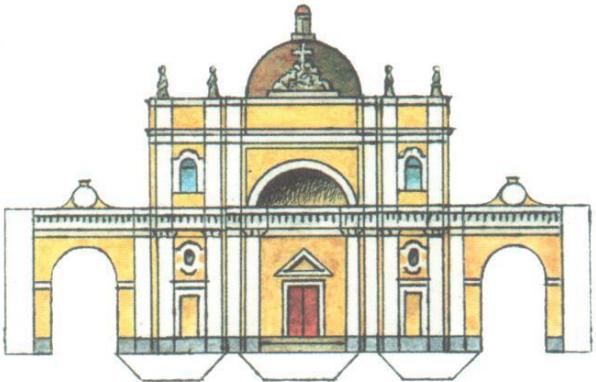
Собор посещали приезжавшие в Петербург католики, среди которых были О. Бальзак, А. Дюма, Ф. Лист, А. Мицкевич, Т. Готье, Ж. де

ГОРОД
НА ЛАДОНИ

ЮРИЙ ЧИГИРЁВ,
художник

Проект реализован
на средства гранта
Санкт-Петербурга

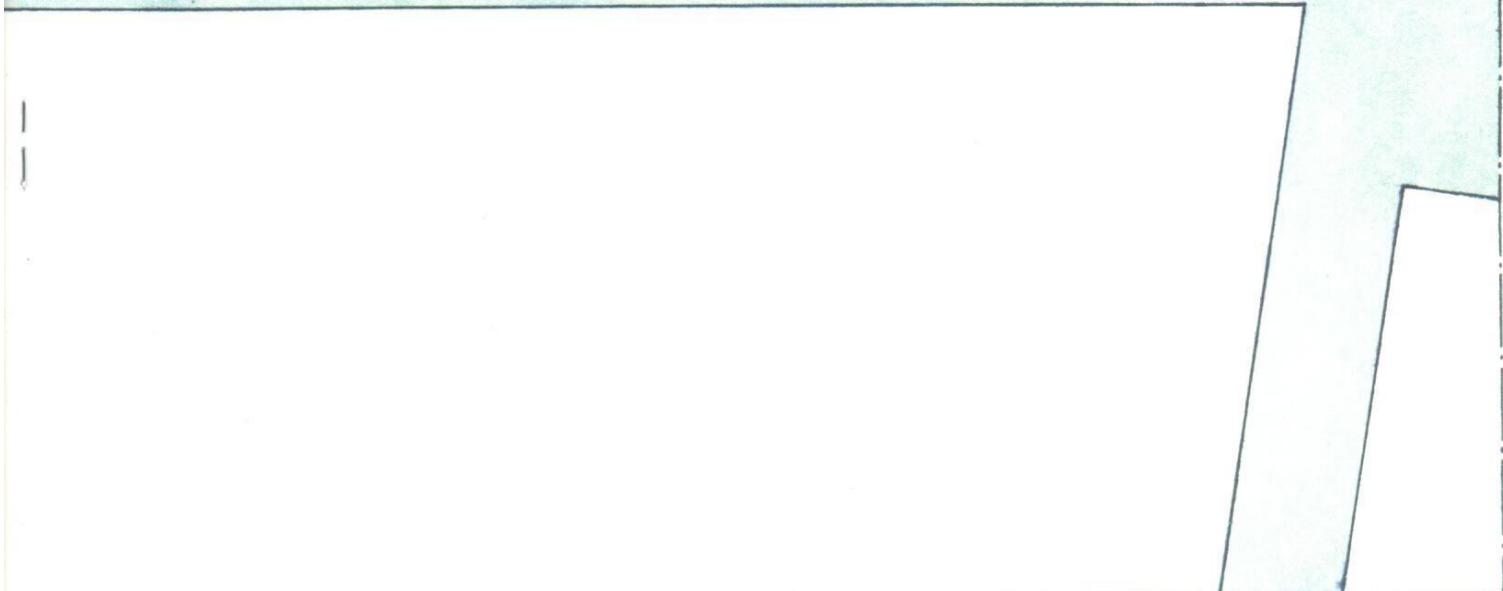
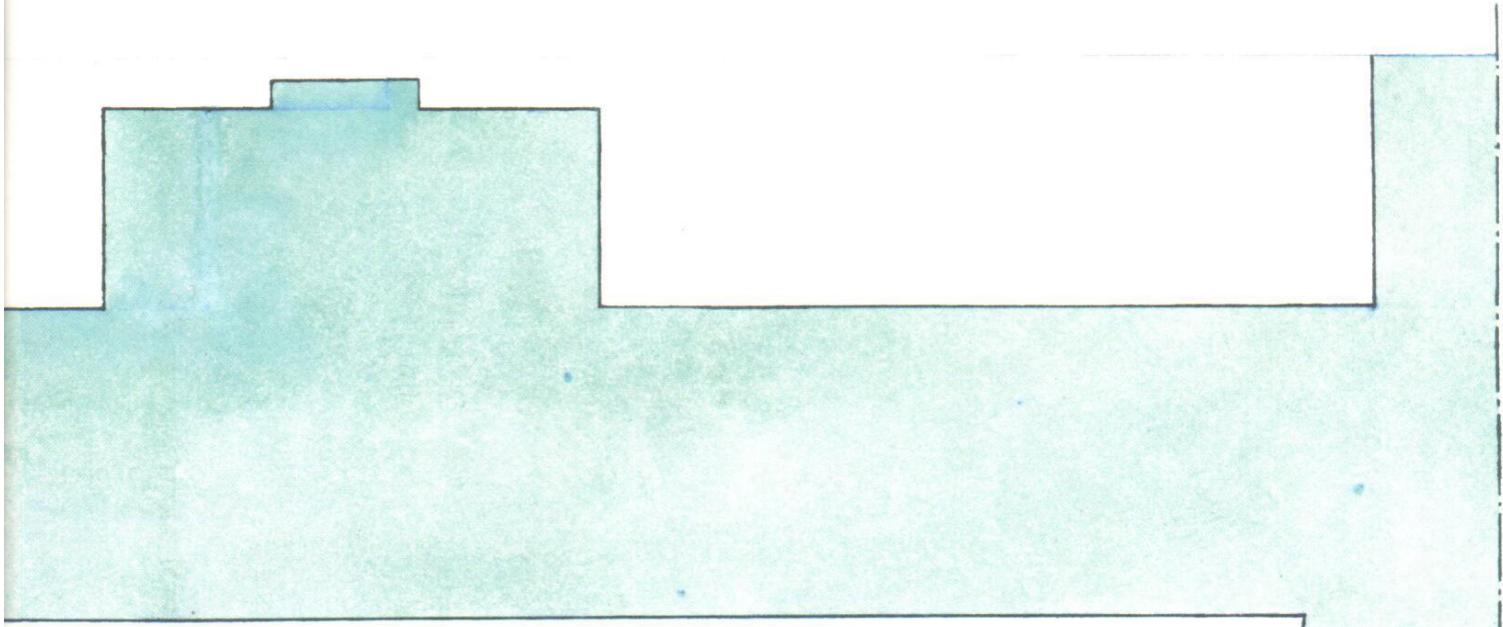
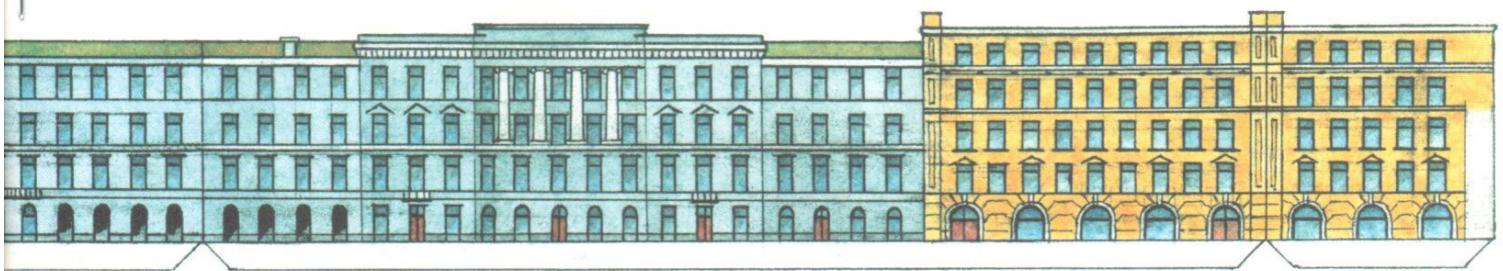

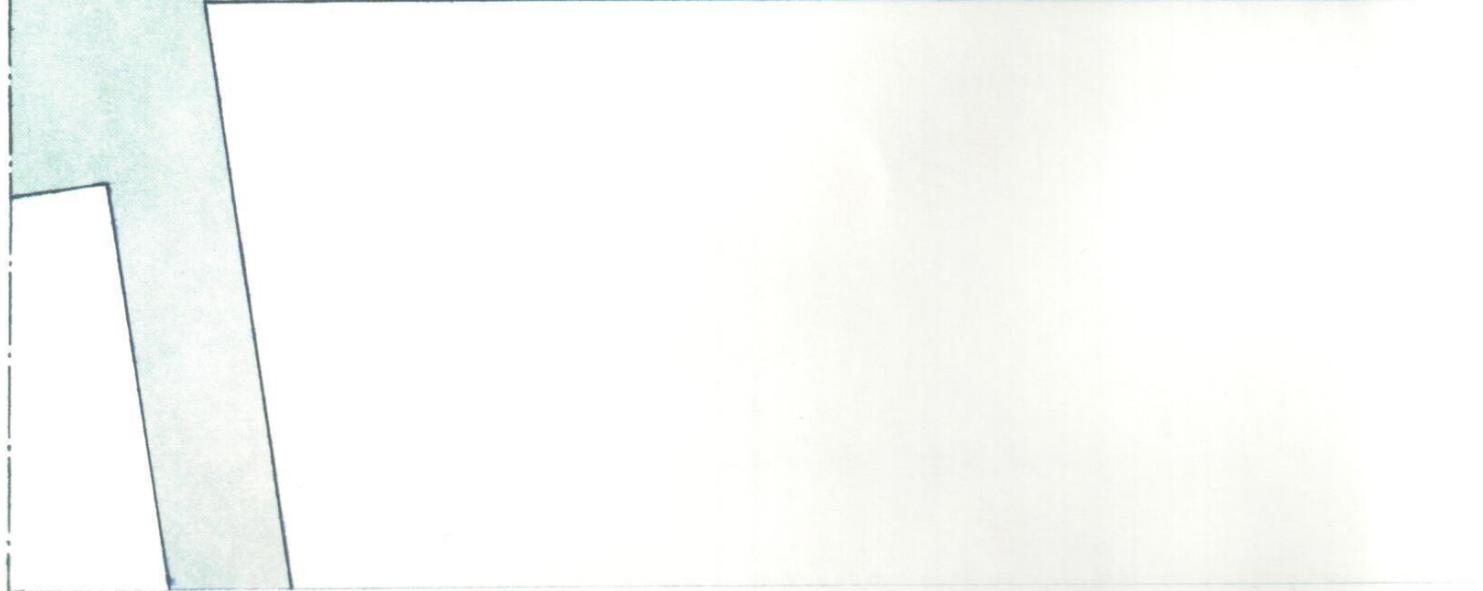
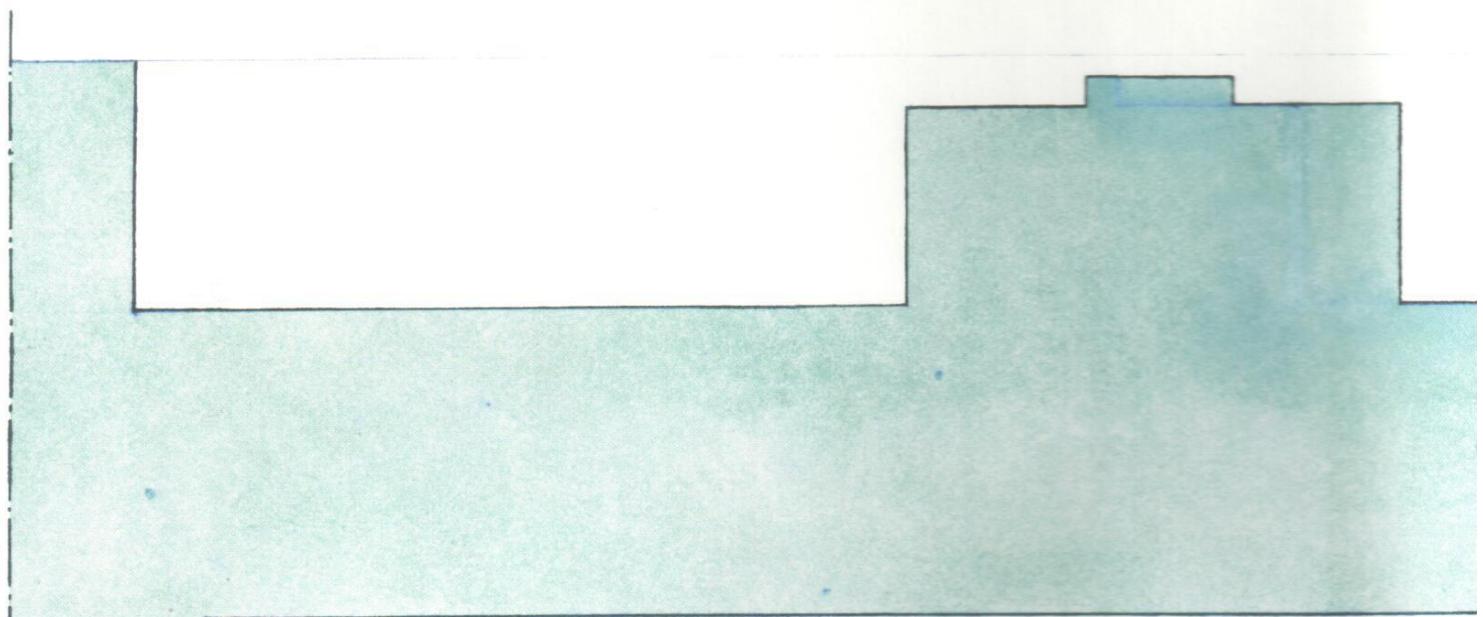
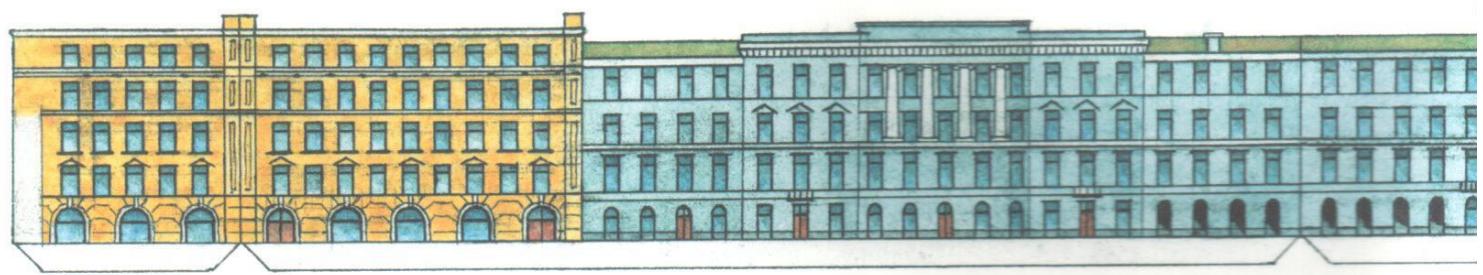
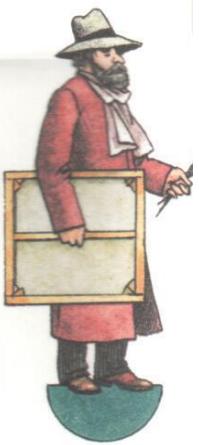
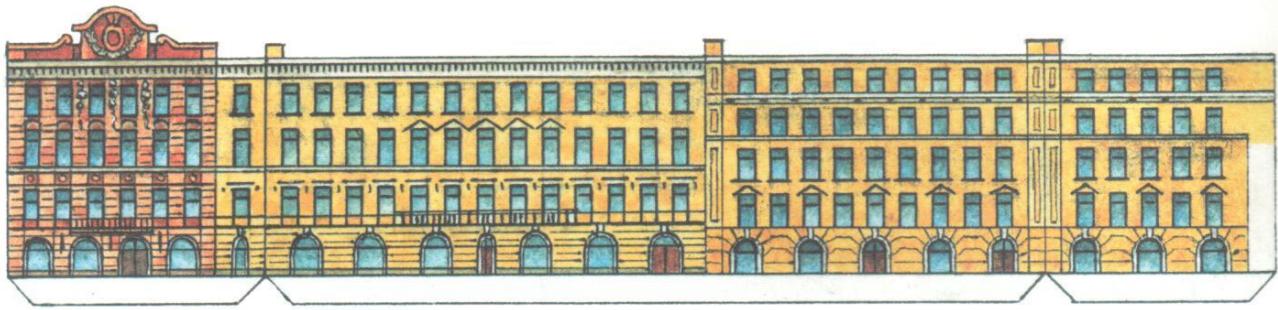
Местр. В склепе собора были похоронены польский король Станислав Понятовский, французский генерал Ж.-В. Моро. В 1858 году здесь состоялось отпевание архитектора О. Монферрана.

В 1938 собор был закрыт, его отдали под склады. Одно время здесь работала дирекция Музея истории религии и атеизма, размещавшегося в Казанском соборе. В 1970-х было решено устроить в соборе органный зал Филармонии, но ремонт затянулся. В 1984 году сильный пожар уничтожил основание купола и почти готовую отделку зала. В 1992 году храм передали римско-католическому религиозному объединению. Храм уже действует, но реставрация продолжается.

Дома 32 и 34, построенные в 1751-84 годах А. Ринальди и И. Минчаки в стиле позднего классицизма, были в 1895 году слегка изменены с фасада и надстроены двумя этажами архитектором В.В. Клевцинским. Надстройка с обеих сторон скрыла силуэт собора, который стоит в глубине квартала. В обоих зданиях со дня постройки до наших дней располагаются различные учреждения и магазины.

Фасад следующего дома 36 является боковым фасадом гостиницы «Европейская», выходящей на Михайловскую улицу (дом 1), однако фасад со стороны Невского по стилю отличается от основного фасада по Михайловской. Дело в том, что выстроенная некогда Карлом Росси гостиница в стиле позднего классицизма на Михайловской, 1, сгорела в 1871 году, и архитектор Л.Ф. Фонтана построил в 1875 году новое здание, но уже в помпезном стиле поздней эклектики. Фасад со стороны Невского был восстановлен по эскизам Росси в 1950 году, как и фасад дома 38 на другой стороне Михайловской улицы (о нем речь в следующем номере). Таким образом, был сохранен фасадный ансамбль Росси в створе Михайловской улицы со стороны Невского проспекта. Во времена Росси гостиница принадлежала французу Ж.К. Кулону, а затем немцу Г.К. Клее и называлась по именам владельцев. После пожара 1871-го здесь расположилась гостиница «Европейская», хозяином её было петербургское акционерное общество. В 1991 году, после реконструкции и реставрации гостиница стала называться гранд-отель «Европа», владеет ею русско-шведское предприятие «Европа-отель».

АБСОЛЮТНО ВЕРНО

— Ты опять завтракаешь на уроке?

Валя быстро спрятал завтрак в парту.

— Что будет, — сказал учитель, — если все будут завтракать на уроке?

Класс зашумел. Потому что каждый хотел сказать, что тогда будет.

Коля сказал:

— Будет очень смешно!

Миша сказал:

— Жеванье будет!

Маша сказала:

— Все сытые будут!

— А чего не будет? — спросил учитель.

Класс молчал. Чего не будет — никто не знал.

Учитель хотел уже сам ответить, как вдруг кто-то крикнул:

— Урока не будет!

— Абсолютно верно! — сказал учитель.

АВТОБУСНАЯ
остановка

ВИКТОР
ГОЛЯВКИН

НИКОЛАЙ ФЁДОРОВ

Ты сбегаешь

— И чего тебе взбрело в голову притащить Полкан в школу?! Как маленький, честное слово!

— Да ладно ты, не гуди... И так тошно, — вяло отмахнулся Генка. — Кто же мог подумать, что он к Ирине в портфель заберется.

Полкан — это маленький рыжий хомячок, которого Генкина тётка недавно подарила ему на день рождения. Тетка почему-то никак не может понять, что Генка давно вырос и что дарить ему плюшевых медвежат и леденцы на палочке несколько поздновато. Вот и на этот

раз она принесла хомяка, с которыми так любят возиться в детских садах. А Генка давно мечтал иметь собаку, большую и лохматую. Поэтому он, недолго думая, и назвал маленького зверька древним собачьим именем.

И вот сегодня, когда Генка зачем-то притащил хомяка в школу, тот взял и сбежал от него на уроке английского. Пока Генка ползал под столом, пытаясь найти беглеца, я вдруг с ужасом увидел, как Полкан ловко вскарабкался по ножке учительского стула и юркнул в портфель Ирины Васильевны.

— Генка, — зашипел я, таща друга из-под стола, — он к Ирине в портфель залез!

Генка обалдело на меня посмотрел и прошептал:

— Что же делать?

В ответ я только пожал плечами. И действительно, не говорить же, в самом деле: «Ирина Васильевна, у вас в портфеле хомяк сидит».

Развязка наступила быстро. Ирина Васильевна закончила объяснять новый материал, чихнула и полезла в портфель за платочком. Мы с Генкой замерли, ожидая самого худшего. Но англичанка проявила завидное хладнокровие. Лишь на секунду она задержала руку в портфеле, чуть изменившись в лице. Потом спокойно достала оттуда Полканя и произнесла ледяным голосом:

— Кто принес в класс хомяка?

Ребята было засмеялись, но сразу вдруг притихли и замолчали. Генка обречённо встал.

— Прекрасно, — сказала Ирина Васильевна и немножко улыбнулась. — У меня такое впечатление, Петров, что ты деградируешь прямо на глазах.

— Почему это деградирую, я не деградирую... — забубнил Генка себе под нос.

— Нет, деградируешь, — жёстко повторила Ирина Васильевна страшноватое слово. — Чем иначе объяснить твоё поведение. Вместо того, чтобы думать, как исправить свои двойки, ты приносишь в класс животных. Ну вот что. Хватит! Завтра же приведи своих родителей в школу. Или нет, я сама, слышишь, сама сегодня вечером к вам приду. А сейчас можешь забрать своего грызуна. — И она протянула напуганного хомяка ещё более напуганному Генке.

И вот теперь мы сидели в Генкиной квартире и гадали, кто придёт раньше — англичанка или родители.

— А когда твои должны быть? — спросил я.

— Мама-то поздно придёт, — ответил Генка. — У неё сегодня курсы. А вот папа — не знаю. Наверное вовремя... Эх, началось бы сейчас землетрясение! Или хоть бы свет в квартире, что ли погас. Придёт Ирина — света нет, родителей нет, ну она и уйдёт.

— А что толку, — сказал я. — Уйдёт, а завтра снова придет.

— Ну, завтра... Кто там знает, что завтра будет.

— Глупо, — сказал я.

— Нет, не глупо, — упрямко повторил Генка.

— Света не будет, родителей нет.

— Ну, заладил, заладил как пономарь. Вот мне дед недавно одну интересную штуку рассказывал. Раньше, давно, при царе ёщё, преступников не только на каторгу отправляли,

но и ко всяким телесным наказаниям приговаривали. Так вот писатель Достоевский вспоминает такие случаи, когда каторжники перед самой экзекуцией из тюрьмы бежали или ещё какое-нибудь преступление делали. Прямо там, в тюрьме. Пусть, значит, снова следствие будет, суд будет, только чтоб оттянуть эту самую экзекцию.

— Зачем это ты мне всё говоришь? — с подозрением спросил Генка.

— А затем, — сказал я, — что ты мне этих самых каторжников напоминаешь.

— Да отстань ты от меня со своими каторжниками! — разозлился Генка. — Подумал бы лучше, как выкрутиться.

— А чего тут думать, — сказал я. — Хочешь, чтоб свет в квартире погас? Пожалуйста. Вывинти пробки — и все дела.

— Гений! — сказал Генка. — Фарадей! Так мы и сделаем. Света нет, родителей нет, она и уйдёт. Ну чего ей без света сидеть?

Я понял, что Генка вбил себе в голову эту дурацкую идею и что никакими силами её теперь оттуда не вышибешь.

Через десять секунд света в квартире не было.

— Темно-то как, — сказал Генка.

— Темно, — согласился я.

— Это хорошо, — сказал Генка. — В такой темнотице долго не усидишь.

И тут раздался стук в дверь. В тёмной квартире он почему-то прозвучал особенно громко и тревожно. Генка, робея, пошёл открывать, а я остался в комнате.

— Дома родители? — услышал я металлический голос англичанки.

— Нету, — заикаясь, ответил Генка. — С работы вот ещё не пришли.

— Ничего, я подожду. Я никуда не тороплюсь. И включи же наконец свет! Что у вас тут такое?! Звонок даже не работает!

— И свету нету, — сказал Генка. — Прямо сейчас взял вдруг и погас. Напряжение, наверно, куда-нибудь упало...

— Неважно, — прервала Генкино бормотание Ирина Васильевна. — Разговаривать можно и в темноте. Я не в шахматы пришла играть. Проводи меня. И дай хоть руку, что ли! Ничего же не видно.

В дверях комнаты появились смутные силуэты учительницы и Генки.

Ирина Васильевна села на диван, а Генка остался стоять.

Наступило молчание.

И тут я понял, в каком дурацком положении я оказался. Я сидел на стуле в совершенно тёмном углу комнаты, и учительница не подозревала о моём присутствии. Мне стало совсем неловко, и я, чтобы как-то дать о себе знать, легонечко так начал покашливать.

— Ой, что это! — испуганно вскрикнула Ирина Васильевна. — Тут ещё кто-то?

— Это я, Ирина Васильевна, — сказал я. — Я тут в углу, на стуле.

— Господи, Носов! Как ты меня напугал. Гена, да найди же хоть свечку какую-нибудь! Нельзя же так!

— Свечку? Сейчас посмотрю.

Была вроде где-то, — и
Генка поплёлся в
другую комнату.
Наверное, до
него стало
до хо -
дить,
что

его
глу -
пая за -
тая с про -
бками прова -
лилась.

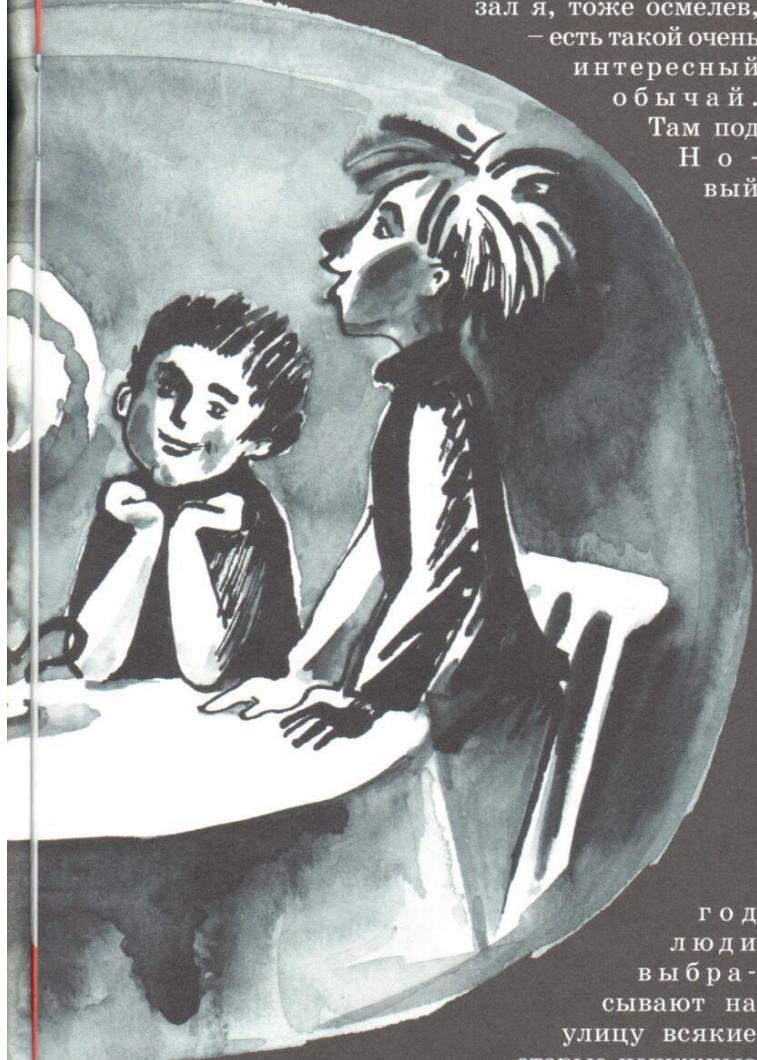
Через минуту он
вернулся с зажжённой све -
чкой.

— Теперь подставку какую-нибудь возьми
или блюдце, — сказала Ирина Васильевна. —
Воск же будет капать.

— Генка, — сказал я, — у вас подсвечник, ка -
жется, был. Помнишь, ты им ещё орехи ко -
лол.

Генка залез на стул, достал со шкафа ста -
рый бронзовый подсвечник и вставил в него
свечу. По комнате забегали красноватые при -
чудливые тени.

Ирина Васильевна сидела молча, неотрыв -
но глядя на маленький живой язычок пламе -

ни, и лицо её вдруг показалось мне каким-то другим, незнакомым. И уж совсем неожиданно она сказала:

— Новый год скоро. Сейчас на улице я видела, как люди ёлки несли.

— Это верно, — сказал Генка, ободрённый таким началом. — У нас тут ёлочный базар не-далеко.

— А вот в Италии, — сказал я, тоже осмелев, — есть такой очень интересный обычай.

Там под Новый

год люди выбрасывают на улицу всякие старые ненужные вещи. Прямо из окон бросают.

— Это зачем ещё? — спросил Генка.

— Ну, как бы жизнь хотят новую начать. А всё старое, плохое — за борт.

— Хороший обычай, — сказал Генка. — Если бы у нас был такой, я бы в первую очередь свой дневник выбросил.

Мы засмеялись, а потом Ирина Васильевна сказала:

— Когда я была маленькой, мы жили на Петроградской стороне в большущей коммунальной квартире. И почти в каждой семье были дети. Ну и, конечно, под Новый год каждая се-

мья покупала ёлку и сначала оставляла её в прихожей, у входной двери. Там иногда по девять-десять ёлок скапливалось. И как же чудесно пахло этими ёлками в квартире! Я, было, из школы приду, встану в прихожей, стою и нюхаю. А теперь, когда муж ёлку домой приносит, я только и думаю о том, сколько после неё мусора будет, иголок...

Ирина Васильевна замолчала, а мы с Генкой сидели разинув рты и ничего не понимали. А потом Ирина Васильевна взяла со стола подсвечник и внимательно его оглядела. Огонёк свечи задрожал, и все предметы в комнате будто запевелись, задвигались.

— А колоть орехи подсвечником не стоит, — сказала она. — Посмотрите, какая вещь красавая. И слово хорошее: ПОДСВЕЧНИК. Звучит, по-моему, гораздо лучше, чем, скажем, «люминесцентная лампа».

— Ясное дело, лучше, — сказал Генка, и даже в полумраке я видел, как сияет его физиономия. — И понятное к тому же: ставь, значит, его под свечу — и все дела. А то читаю в одной книжке: граф схватил канделябр и ударил незнакомца по голове. Что, думаю, за канделябр такой? Кочерга, что ли? Оказывается, обыкновенный подсвечник.

Ирина Васильевна весело засмеялась, и в этот момент хлопнула входная дверь.

— Генка! — послышался голос Николая Ивановича. — Почему такая темнотища? Света, что ли нет?

— Пап, ты? А к нам вот Ирина Васильевна пришла, — невпопад ответил Генка и почему-то добавил: — В гости.

— Очень приятно, — сказал Николай Иванович. — Сейчас, одну минуту. Я только со светом разберусь.

Я услышал, как чиркнула спичка, и через секунду послышался растерянный голос Генкиного папы:

— Но позвольте... Тут же нет пробок?!

Наступила нехорошая пауза. А потом Николай Иванович произнёс голосом, не предвещавшим ничего хорошего:

— Геннадий! Где пробки?!

Генка молчал, и я был уверен, что сейчас, как те каторжники из романа Достоевского, он дунул бы куда-нибудь подальше. А землетрясение или цунами подошли бы как нельзя кстати. Одним словом, назревал скандал.

И вот в этот щекотливый момент Ирина Васильевна вдруг вышла в коридор и спокойно так сказала:

— Николай Иванович, не надо. Не ищите пробки. У нас тут свечка горит. Давайте так, при свече посидим.

МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЙ
ПЕТЕРБУРГ

Проект реализован на средства гранта Санкт-Петербурга

РУССКАЯ ЗВЕЗДА ПОЛЬСКОЙ ПИАНИСТКИ

ЮРИЙ КРУЖНОВ

Эту польскую женщину почему-то всё время тянуло в Россию. Хотя русских корней у нее не было. Происходила из рода Воловских – рода не знатного. Отец был богатый пивовар, домовладелец. Родители старались подражать настоящим шляхтичам, держали у себя некое подобие салона, детей стремились воспитать в светском духе. С детства Мария Воловская выучила два языка, много читала, училась играть на фортепиано. Учиться играть стала поздно, в восемь лет, но уже через два года играла так, что её педагог посоветовал родителям отдать девочку кому-нибудь из знаменитых пианистов. В двенадцать лет она уже играет для гостей как заправская артистка. Это 1800-е годы... Какие только знаменитости не бывали тогда в доме Воловских – польские композиторы М. Огинский, Ю. Козловский, немецкий пианист Д. Штейбелт, знаменитый французский скрипач Ж.-П. Родэ, известная итальянская певица А. Каталани, придворный капельмейстер Наполеона Ф. Паэр, композитор Ксавер Моцарт – сын великого Вольфганга Амадея Моцарта. При этом в немалой степени славу салону Воловских создавала Марианна – или Марыся, как звали девочку дома. Многие приходили послушать чудо-ребёнка.

В доме родителей всё было пронизано духом польского патриотизма. После нескольких разделов Польши Варшава с частью областей вошла в состав России. В эти годы сре-

Мария Шимановская

ди поляков усилился культ национальной культуры и всего польского. У Воловских собирались польские поэты, публицисты, часто читались польские стихи, игралось много польской музыки. Однако среди интеллигенции враждебности к России никто не испытывал, и Марианна была воспитана в духе уважения и к России, и к русской культуре. Уже позже, после того, как Мария-Марыся с огромным успехом провела свои первые заграничные гастроли и, выйдя замуж, взяла фамилию Шимановская, в круге её знакомых появились представители русской культуры. Первым оказался комендант варшавского гарнизона, большой любитель искусства Сергей Львович Пушкин, отец будущего поэта (это было в 1814 году). Близкими друзьями Марии Шимановской стали тогда же поэт П.А. Вяземский с супругой, они жили в те годы в Варшаве и, как и Пушкин, бывали в доме Воловских. Мария как-то призналась Вяземскому, что ей очень нравится русский язык, и она хотела бы его выучить. И она вскоре выучила. Со своими новыми друзьями, четой князей Голицыных, общалась иногда по-русски.

Эти годы – годы расцвета польской музикальной культуры. «После Италии нет, может быть, страны, где бы музыкальные таланты имели более владычества между всеми состояниями, как в Польше», – писал тогда один петербургский критик. Богата Польша была выдающимися талантами. В 1820-х начали ис-

выступления мальчика-вундеркинда Ф. Шопена, прозванного «польским Моцартом». В эти же годы Европу поразил «польский Паганини» – скрипач К. Ю. Липиньский. Шимановская вскоре встала в тот же ряд крупнейших польских музыкантов. «Игра госпожи Шимановской до известной степени действительно составляет эпоху», – писал тогдашний критик о двадцатилетней пианистке.

В 1822 году Шимановская приехала с гастролями в Петербург, потом были концерты в Москве. В России о Шимановской уже много слышали, газеты радостно сообщали о скором приезде «знаменитой фортепьянистки». Но если её ещё не слышали здесь как пианистку, то знали как композитора. Романсы, фортепианные ноктюрны Шимановской были популярны в России не меньше ноктюрнов Джона Фильда – этот знаменитый ирландский пианист и композитор уже двадцать лет жил в России; жанр фортепианного ноктюрна придумал именно он.

Произведения Шимановской печатались в петербургскими издательствами. Несколько

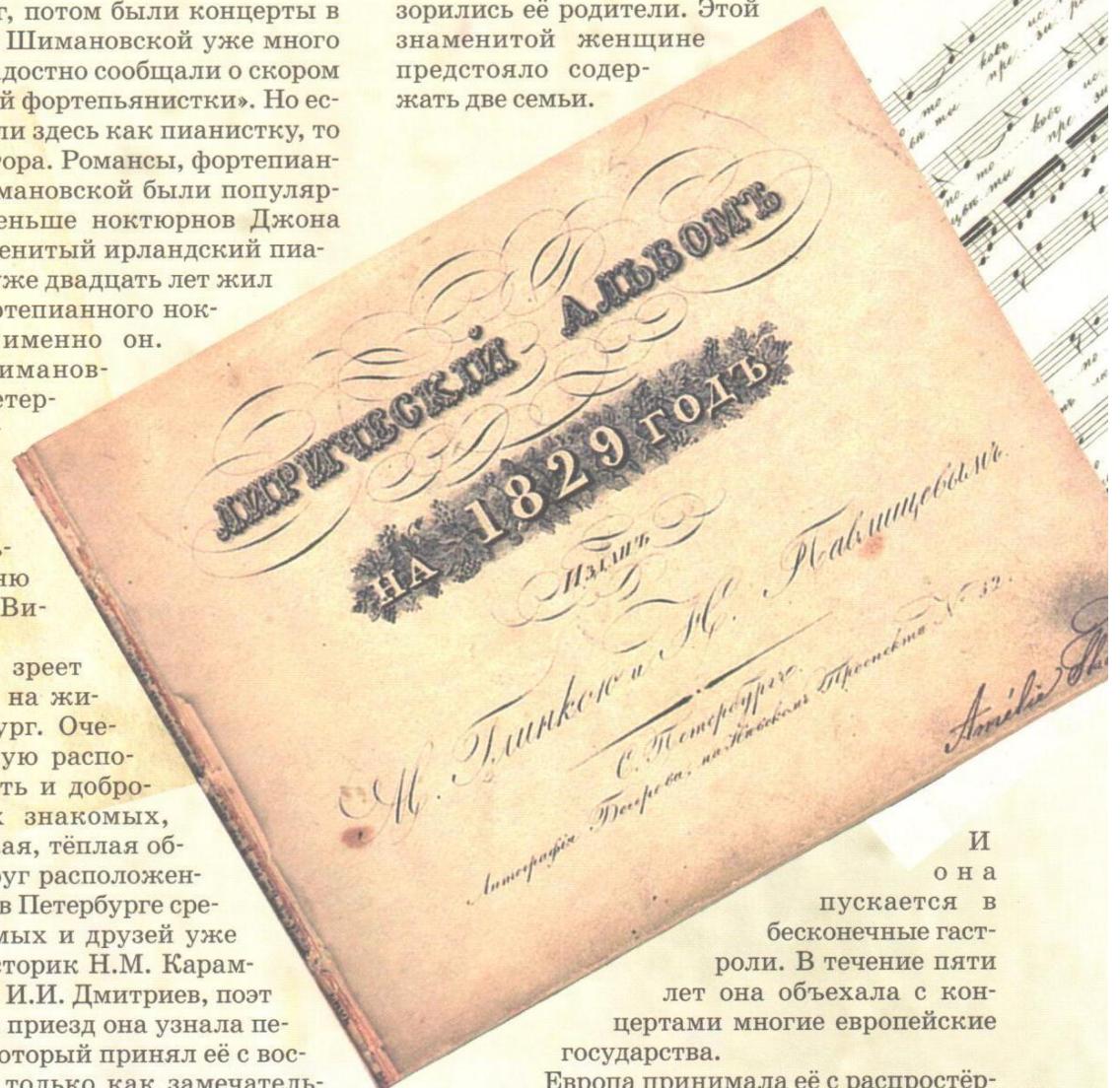
доказывая М.И. Глинка в издаваемый им «Лирический альбом» включил песню Шимановской «Вильям».

У Шимановской зреет решение переехать на жительство в Петербург. Очевидно, Шимановскую располагали отзывчивость и добродушие её русских знакомых, привлекла дружеская, тёплая обстановка встреч, круг расположенных к ней людей. А в Петербурге среди её новых знакомых и друзей уже были писатель и историк Н.М. Карамзин, поэт и министр И.И. Дмитриев, поэт И.И. Козлов. В этот приезд она узнала петербургский свет, который принял её с восторгом, принял не только как замечательную пианистку, которую в Европе ставили рядом с Фильдом, но как незаурядную личность. Шимановская была той фигурой, вокруг которой мгновенно собираются талантливые и мыслящие люди. Привлекали её ум, её оригинальные суждения, её эрудиция.

В Петербурге Шимановская дважды удостоилась чести играть при императорском дворе. Свою роль в этом приглашении сыграла императрица Елизавета Алексеевна, супруга Александра I, с ней Шимановская познакомилась ещё в Варшаве, во время пребывания там

в 1818 году императорской четы. Шимановская вызвала такой восторг своей игрой, что по указу Александра I ей было даровано звание «первой пианистки их величеств императриц».

Она могла бы остаться в России уже тогда. Но этому мешали семейные обстоятельства. Шимановская недавно развелась с мужем, оставившим ей и двум её дочерям мизерную сумму на проживание. Разорились её родители. Этой знаменитой женщине предстояло содержать две семьи.

И она
пускается в
бесконечные гастроли. В течение пяти
лет она объехала с концертами многие европейские
государства.

Европа принимала её с распростёртыми объятиями. В Берлине Шимановская знакомится с Ф. Мендельсоном, К.-М. Вебером, скрипачом Л. Шпором. В Париже – с композитором А. Буальдье, не раз встречается с уже знакомым ей Л. Керубини, со старой подругой Каталани. В Лондоне знакомства с ней ищет английский поэт Томас Мур. Её портреты создают знаменитые художники. Норвежский скульптор Торвальдсен принимал участие в работе своего ученика по созданию бюста Шимановской. Немало появилось у неё за границей русских знакомых, среди них –

князь А.М. Горчаков, соученик Пушкина по Лицею и будущий канцлер. Позже Шимановская всегда называет его в письмах «дальным и хорошим знакомым».

В Мариенбаде она познакомилась с престарелым И.-В. Гёте. Гёте был очарован не только искусством Шимановской, но больше ею самой. Игра Шимановской, беседы с ней произвели в душе Гёте некое таинственное движение. Известно, что 74-х летний Гёте в эти годы испытывал безнадёжную страсть к одной юной особе, что причиняло ему немалые страдания. «Под впечатлением высокого искусства г-жи Шимановской», как писал сам Гёте, он сочинил и посвятил Шимановской стихотворение «Примирение». Впоследствии оно вошло как заключительное в его «Трилогию страсти» – лирический цикл стихов, где поэт размышляет о позднем любовном чувстве и о страданиях, причиняемых им. С молодой пианисткой они так подружились, что Шимановская даже жила у родственников Гёте в Веймаре. Когда туда приехал сам поэт, он виделся с Шимановской каждый день в течение тех двух недель, что она была там. Она вполне могла остаться жить в Веймаре, в Германии.

И всё же эту женщину тянула Россия.

В 1828 году она вновь приезжает сюда, но не с гастролями, а на постоянное место жительства. Здесь, в России, она знакомится с великим польским поэтом Adamem Mickiewiczem. Они стали близкими друзьями. Шимановская написала несколько песен и романсов на стихи польского поэта. За Мицкевича впоследствии вышла замуж одна из дочерей Шимановской.

Средств у Шимановской было теперь достаточно, она остановилась в Петербурге на Большой Итальянской улице. Здесь в течение трёх лет существовал её салон, один из самых известных в Петербурге. У Шимановской собирался цвет русской культуры. Старые друзья – А.С. Пушкин, В.А. Жуковский, П.А. Вяземский были среди завсегдатаев. Познакомился с пианисткой Глинка. Её соседями были братья Виельгорские, жившие на Михайловской площади. Они бывали у Шимановской, и она бывала у них. Выступала теперь Шимановская меньше, но она была занята устройством судьбы детей, сестры и брата, которых привезла с собой.

А Петербург с приездом Шимановской получил еще один «очажок культуры». Такое же значение незадолго до этого имел парижский салон писательницы Ж. де Стель, а чуть позже –

Жорж Санд (Авроры Дюдеваль). И в Петербурге было несколько таких «благодатных» домов и салонов, где царили выдающиеся женщины – А.О. Смирновой-Россетт, Е.А. Карамзиной, Е.Ф. Муравьевой, Е.А. Лаваль ...

Шимановскую, как пианистку и композитора, нынешние историки называют «предтечей» романтизма. Но не меньшее воздействие оказала на общественную жизнь личность этой женщины. Её дом в Петербурге стал связующим островком между двумя культурами – польской и русской.

Но... беда всегда приходит неожиданно... В 1831 году в России свирепствовала холера. Не миновала она и Петербурга. В июле 1831 года граф Д.Н. Блудов сообщал жене: «Умерла также на днях и тоже от холеры славная дама-виртуозка – Шимановская...» Ей исполнилось только 40 лет...

Много лет Мария вела традиционные в то время альбомы, где оставляли записи на память друзья, знакомые и незнакомые. Среди множества автографов – запись, сделанная Пушкиным 1 марта 1828 года, в день окончательного переезда Шимановской в Петербург:

«... Из наслаждений жизни
Одной любви музыка уступает,
Но и любовь – мелодия...»

Два года спустя поэт использует эти строчки в своей трагедии «Каменный гость». Так часто их теперь цитируют... Но мало кто знает, что вдохновлены они замечательной польской пианисткой и замечательной женщиной, Mariей Шимановской.

ДОМ на АНГЛИЙСКОЙ НАБЕРЕЖНОЙ

Проект реализован на средства гранта СПбГАУ и губернатора Санкт-Петербурга

НЕРЕАЛИЗОВАННЫЕ

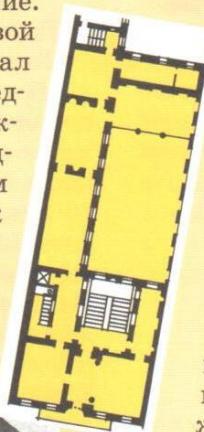
ПРОЕКТЫ

С.П.Б.
ЛЕОНИД ЛАВРОВ

Английская набережная – одна из красивейших в нашем городе. Двух-трёхэтажные здания с богатыми и изящно прорисованными фасадами стоят сплошным фронтом вдоль Невы. Из высоких окон открывается великолепный вид на реку и Васильевский остров. Не мудрено, что уже к середине XVIII века здесь сформировалась застройка из особняков и дворцов для знатных людей. Каждый участок тянулся от берега реки до Красной улицы, трасса которой протянулась параллельно руслу Невы. На набережную открыты богато оформленные парадные входы, а въезд для карет на дворовую территорию был организован с противоположной стороны.

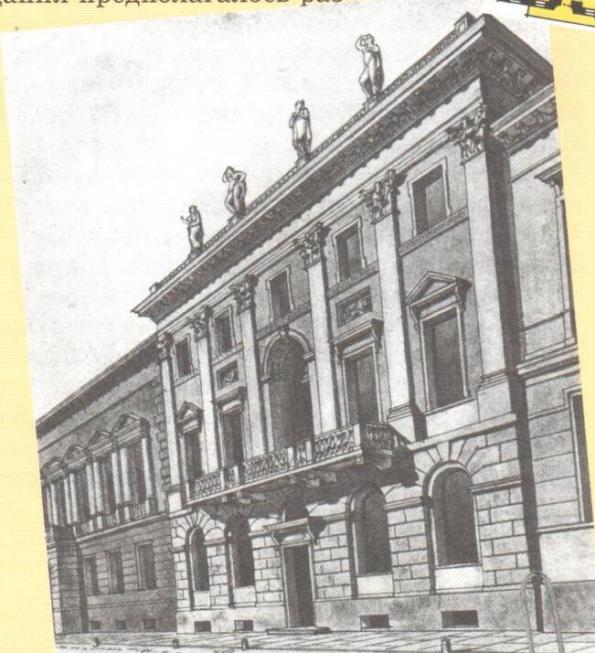
Всякий, кто прогуливается здесь, обращает внимание на дом под №18, который выделяется на общем фоне исключительной скромностью отделки (практически – полным её отсутствием). Приглядевшись, замечаешь и другие его особенности: дом (единственный на набережной) имеет 4 этажа, на фасаде не было входной двери (недавно там пробили дверной проём).. Он выглядит сиротой на этом празднике жизни.

Всему этому есть простое объяснение. Незадолго перед началом Первой мировой войны граф А.А. Бобринский задумал возвести для себя на этом участке представительный и удобный дом. Архитектор-художник А.Я. Белобородов подготовил проект сооружения в модном тогда неоклассическом стиле. Особняк задумывался не очень большим – 5 окон в ряд по фасаду, три этажа в высоту. Первый и второй этажи должны были служить для размещения представительских помещений. По оси здания предполагалось раз-

местить парадный вход с протяжённым балконом над ним. Украшением фасада служила небольшая лоджия со сводчатым кессонированным покрытием, пилястры с коринфскими капителями, карниз на кронштейнах и скульптуры на парапете. Таким образом, здание должно было стать достойным своих импозантных соседей.

Проект всем понравился, и к его реализации приступили незамедлительно. Заложили фундаменты, начали возводить стены, но тут грянула Первая мировая война, а за ней – Гражданская. Стойка была прекращена, и интерес к продолжению работ проявился лишь в конце 1920-х годов. Конечно, никто не собирался завершать строительство графского особняка. Решили использовать уже возведенные стены для размещения рабочего жилища. Так и появились четыре невысоких этажа. От парадного входа отказались, и здание оказалось единственным на набережной, куда можно попасть лишь со двора, со стороны Красной улицы. На задуманное декоративное оформление денег не нашлось. Ограничились пилястрами со скромной неглубокой рустовкой. О задумках зодчего сейчас напоминают лишь небольшие лоджии по оси фасада. Проект А.Я. Белобородова так и остался нереализованным.

«Ходил инкогнито и

ЮРИЙ ЛЮТЬКО

I

«Вона! Эк его, право, как подумаешь», — так рассуждал Иван Яковлевич, тот самый цирюльник, живший на Вознесенском проспекте. И в самом деле, чтобы нос гулял по Невскому проспекту, в вицмундире, запросто заходя в Таврический сад, удивительно, невозможное дело в любом другом городе, только в Петербурге.

Петербург и в самом деле, может быть не таким, как думается. Одно — что вам покажется среди бела дня, когда вы гуляете в Адмиралтейской части... «Но как только сумерки упадут на дома и улицы, и будочник, накрывшись рогожею, вскарабкается на лестницу зажигать фонарь...» — тогда уже всё совершенно другое. Всё — призраки, дома, казармы, департаменты... и лица, как дома и департаменты, высокой тенью уходят далеко в Коломну.

Но вот беда, в Петербурге сумерки всегда — порой так кажется.

На Покровской площади монета медная лежит, блестит, на ней портрет. Глаза с портрета так и говорят: «Мошенники, я вас!» Глядя на портрет, невольно трепет ощущаешь. Другая сторона монеты — вицмундир и пуговицы золотом горят, поверх шинель, бобровый воротник или куница на плечах! Ах! Вот оно то как! В самом деле, без шинели в Петербурге не прожить!

II

И зачем, и кому это нужно было, чтобы именно в Петербурге родился Акакий Акакиевич Башмачкин? Человек маленького роста, незначительный, ещё и с лысинкой на голове, да и имя... Вот уж действительно, престранные имена бывают на свете. И как это так получилось — он же оказался возмутителем спокойствия на улицах и набережных города? Да и это бы ещё ничего. Для последнего приставлены лица, для наведения порядка. Правда, чего греха таить, лица иной раз не видно, когда это нужно, и напротив, оно не нужно, а лицо тут как тут. И почему это так получается? Тоже загадка.

Загадок много на свете. Загадочно и лицо самого Башмачкина, всё какое-то кривое, как

кажется — подслеповат, рябоват, рыжеват, как в плохом зеркале. Но, справедливости ради сказать, и зеркала бывают такие — в иное посмотришь, думаешь, красота глянет на тебя и импозантность, ан нет, выходит наоборот, как-то так зеркало устроено, что «рожа выходит косяком». И почему это? Тоже загадка.

Но вернёмся к лицу, о котором мы говорим, к возмутителю спокойствия на улицах города. Так вот — и это бы ничего. Оно стало возмутителем спокойствия и в умах людей, возмутителем душ, что гораздо страшнее. Ещё во время оно говорили: «Это возмутительно, решительно пресечь, высечь!» Мало ли лиц в Петербурге значительных и видом своим, и дарованиями. Зачем было описывать этакую козявку?! Так говорили. Но зачем-то же нужно было появиться на свете Башмачкину?! Ужели затем, чтобы переписывать бумаги? Но, согласитесь, дело это такое, даже очень важное; опять же — польза отечеству, и вообще... служба! Как же, без этого нельзя-с.

III

Для этого и родился в 1809 году...

То есть, получается так, как будто... а в то же время... То же и с погодой: «Ни на что не похожа: иногда ясно, а в другое время совершенно дождливая. Очень большая неприятность».

Лучше так! Почти что в тот же день, что и Акакий Акакиевич (которого согласно календаря следовало бы назвать Павыкахием или Вахтисием, в лучшем случае Дулой или Варадатом, но, слава Богу, не назвали), родился и его создатель. В метрической книге Спасо-Преображенской церкви местечка Сорочинец, Миргородского уезда, запись за 1809 год: «Месяца марта 20 числа у помещика Василия Яновского родился сын Николай и окрещён. Молитвовал и крестил священно-наместник Иоанн Беловольский».

Сам же рождённый всегда праздновал день своего рождения 19 марта. Ему лучше знать. Видимо, за день до того, как появиться ему на свет, случилось что-то такое, чего мы знать не можем.

Много лет спустя завеса тайны чуть открылась: «Не свою родину, а родину души своей я увидел, где душа моя жила ещё прежде меня, прежде чем я родился на свет...» Это он об Италии. Об Италии он же: «Прекрасная страна! Вид, я вам доложу, восхитительный! Эдакие

Невскому проспекту...»

горы, этак деревцо какое-нибудь гранатное, и везде италианочки, такие розанчики, так вот и хочется поцеловать».

«Италия – роскошная страна!
По ней душа и стонет и тоскует;
Она вся рай, вся радости полна,
И в ней любовь роскошная веснует», –
стихотворение «Италия» – первое напечатанное произведение Гоголя («Сын Отечества», 1829).

Итак, Гоголь родился в Италии, это ясно. Так же ясно и то, что родился он 27 декабря. Подтверждение этому – свидетельство его друзей – «Воспоминания» М.П. Погодина (в доме которого Гоголь жил часто и подолгу): «В день рождения Гоголя, 27 декабря 1838 г., празднуя его со многими русскими на вилле кн. З.А. Волконской, Шевырев прочёл ему стихи, при поднесении от друзей» (СПб, 1869, стр. 22).

Отсюда мораль – настоящий день рождения Гоголя – мартобря 21 числа! Выходит что так.

IV

Петербургская знакомая Гоголя рассказывала историю из детства его, им самим ей рассказалую. В эту историю можно не верить, потому как произошла она в майскую ночь. Ему было пять лет. В доме никого, стук маятника старинных часов. Вдруг кошка когтями по полу – и к нему, а в глазах недобрый зелёный огонь. Со страху бросил кошку в пруд. Но жаль стало кошку, мучила совесть, плакал и успокоился только тогда, когда отец высек его за этот поступок.

Из этой истории можно заключить, что отец Гоголя был замечательным человеком.

Мать, Мария Ивановна Гоголь, была доброй и красивой женщиной. Она «всегда говорила о сыне с гордостью любящей и счастливой матери, с восторгом, со страстью, и при всей беспредельной доброте, готова была за малейшее слово о нём поссориться с каждым. В обожании сына Мария Ивановна доходила до Геркулесовых столбов, приписывая ему все новейшие изобретения (пароходы, железные дороги) и, к величайшей досаде сына, рассказывая об этом всем и при каждом удобном случае. Разубедить её не могли бы никакие силы», – сказка Данилевского, одного из друзей Гоголя, товарища его по Нежинской гимназии (история эта со слов А.С. Данилевского записана В.И. Шенроком и опубликована в книге «Материалы для биографии Гоголя». Москва, 1898

год. Но взгляд критики своего времени на эту книгу был таков, что возникает вопрос – можно ли верить Шенроку? Но отмечалась и положительная сторона книги – обилие материалов).

Должно сказать – для биографии Гоголя, ещё современниками его, написано много такого, к чему не знаешь, как относиться.

К примеру, о сёстрах Гоголя.

По окончании Патриотического института в Петербурге (их поэтому называли «патриотками») они были принятые в одном из светских домов: «...в новых длинных платьях совершенно не умели себя держать, путались в них, беспрестанно спотыкались и падали, от чего приходили в такую конфузию, что ни на один вопрос ни слова не отвечали. Жалко было смотреть на бедного Гоголя», – С.Т. Аксаков «История моего знакомства с Гоголем». (Ну, Аксакову-то можно верить, скажете вы. Да, Аксакову можно... Опять же «но»: не в том дело – верю не верю. Если посмотреть на картину (сверху вниз), которая называется «Изучение биографии Гоголя», то она выглядит примерно так: «Дороги, однако ж, не было видно. Кум, отошедши в сторону, бродил в длинных сапогах взад и вперёд и, наконец, набрёл прямо на шинок. Эта находка его так обрадовала, что он позабыл всё...» Много загадочного в биографии Гоголя. Белых пятен в оной для нас, может быть, столько же, сколько звёзд на небе в ясную ночь перед рождеством).

отец Гоголя
был замечательным
человеком

В юности Николай Васильевич Гоголем никогда не назывался, и среди товарищей, и в официальных бумагах, а так, как записан в метрической книге – Яновским. И напротив, много позже: «Зачем вы называете меня Яновским? Моя фамилия Гоголь, а Яновский только так, прибавка, её поляки выдумали». «Так как же его фамилия?» – спросил один из его товарищей юности (в Нежинской гимназии Яновского называли просто «таинственный карла») – «Яновский или Гоголь?» Николай Васильевич ответил – «И Гоголь, и Яновский» «А это что значит?» – не унимался товарищ. «А значит это селезень», – ответил обладатель такой удивительной фамилии. Уточним, селезень – это красивая птица и редкая, из тех, что долетит до середины Днепра. У неё дивный голос, любит петь, в одеждах ходят ярких цветов и разнообразных, ест много, предпочитая итальянскую кухню, но с таким же почтением и к гречневой каше. Характер такой, что в один день движения души ангельские, а в другой – ничего непонятно. Всегда нуждается в деньгах, предпочитая дорогу оседлой жизни. Много ума – это такой клад, который бы лучше спрятать. Но нет, блеснет обладатель бриллиантом. Завистник, конечно, скажет – бриллиант-то фальшивый, безделица всё. А с дураком спорить – себе дороже. Отсюда мораль – «Пошли все вон, дураки!», – Кочкин, сказавший это – наимудрейший человек на свете, чтобы мне не выпить рюмку водки поутру! Такое же золотое качество – стремление к службе государственной, на пользу Отечеству! Но это только в юности (в подобном случае достаточно посечь хорошенько, в этом большой трагедии нет). Печальнее склонность к размышлению о своём здоровье. Но мысли эти (о здоровье) сами собою приходят к тому, кто

болен геморроем, а геморроем больны все, решительно все больны геморроем, вследствие скверного климата на земле.

VI

Но что это мы с вами о птицах?.. Ах, да весна, апрель... О весне и об апреле у Николая Васильевича Гоголя в «Петербургских записках 1836 года»: «Сильно люблю весну. Даже здесь, на этом диком Севере, она моя. Мне кажется, никто в мире не любит её так, как я. С нею приходит ко мне моя юность; с нею моё прошедшее более чем воспоминание... Я так был упоен ясными, светлыми днями Христова Воскресенья, что не заметил вовсе огромной ярмарки на Адмиралтейской площади... Петербург во весь апрель месяц, кажется, на подлёте...» И далее: «Весело презреть сидячую жизнь и постоянство и помышлять о дальней дороге... Весело тому, у кого в конце петербургской улицы рисуются подоблачные горы Кавказа, или озера Швейцарии, или увенчанная анемоном и лавром Италия... Но стой, мысль моя: ещё с обеих сторон около меня громоздятся петербургские дома...»

VII

В петербургских домах нынешней весной, в апреле, исполнилось 200 лет Николаю Васильевичу Гоголю. Или Гоголь сотворил петербургские дома такими, какими мы их видим сегодня, то ли наоборот – улицы, дома и лица сотворили писателя, они поэтому и стали такими, какими мы их... Ой, путаница получается. Чтобы вышла распутница, пойдёмте следом за автором «Записок сумашедшего»: «Перешли в Гороховую, поворотили в Мещансскую, оттуда в Столярную, наконец, к Кокушкину мосту и остановились перед большим домом. «Этот дом я знаю, – сказал я сам себе. – Это дом Зверкова». «Эка машина! Какого в нём народа не живет: сколько кухарок, сколько приезжих! а нашей браты чиновников – как собак, один на другом сидит. Там есть у меня один приятель, который хорошо играет на трубе. Дамы взошли на пятый этаж». Всё ясно, всё так же, как и сегодня.

Так же, как и сегодня, продолжая путь следом за автором тех же «Записок»: «Ходил инкогнито по Невскому проспекту. Проезжал государь император. Весь город снял шапки, и я также; однако же не подал никакого вида, что я испанский король». В самом деле, Петербург это такой удивительный город, находясь в котором можно думать о себе всё, что угодно. Идя улицами, заглядывая в окна петербургских домов, и обо всяком также можно думать

Обыкновенный
гоголь
Bucephala clangula

всё, что угодно. Сказочный город. Вон посмотрите – «очень странный человек. Он больше молчит. Говорит очень редко; но неделю назад беспрестанно говорил сам с собою: «Получу или не получу?» Возьмет в одну руку бумажку, другую сложит пустую и говорит: «Получу или не получу?» Об этом господине автору этих записок рассказала знакомая собачка возле его дома. А тот похож на цаплю, «фрачишка на нём гадкий, рожа такая, что плнуть хочется, а посмотри ты, какую он дачу нанимает!»

Кто только не живёт в Петербурге. «Дом, в котором обретаюсь я, – пишет Гоголь матери, – содержит в себе двух портных, одну моршанд де мод (модистку), сапожника, чулочного фабриканта, склеивающего битую посуду, красильщика, кондитерскую, мелочную лавку и, наконец, привилегированную повивальную бабку... Я живу на четвёртом этаже, но чувствую, что и здесь мне не очень выгодно».

В Петербурге жить дорого, Гоголю приходилось довольно часто менять адреса. Живя в другом доме, в письме матери: «Жить здесь не совсем по-свински, т.е. иметь раз в день щи да кашу, несравненно дороже, нежели думали. За квартиру... восемьдесят рублей в месяц, за одни стены, дрова и воду. Она состоит из двух небольших комнат и права пользоваться на хозяйствкой кухне. В дороге издержано... да на переделку шинели и на покупку к ней воротника... 80 рублей».

Бот и Акакий Акакиевич, увидевши, что шинель его поистерлась, так, что дуло в спину и плечо, решил отнести ея для починки портному Петровичу, «жившему где-то в четвёртом этаже по чёрной лестнице».

«Взираясь по лестнице, ведшей к Петровичу, которая, надобно отдать справедливость, была вся умащена водой, помоями... Акакий Акакиевич уже подумал, ... мысленно положил не давать более двух рублей...» Да Петрович, любивший сильные эффекты, заложил цену за новую такую, полтораста рублей, что бедный Акакий Акакиевич вскрикнул, «может быть, в первый раз от роду, ибо отличался всегда тихостью голоса». Потом уже, вышед на улицу, говорил сам себе: «Этаково-то дело этакое... Наконец вот что вышло, а я, право, совсем и предполагать не мог, чтобы оно было этак». Он знал, что Петрович согласится и за 80 рублей сшить новую шинель, да где же было их взять эти 80 рублей. Вот оно-то как.

Где же было взять русскому писателю 80 рублей, чтобы прожить как-нибудь?

«...Акакий Акакиевич если и глядел на то, то видел на всём свои чистые, ровным почерком выписанные строки, и только разве если, неизвестно откуда взявши, лошадиная морда помещалась ему на плечо и напускала ноз-

Нем, голубушка, прощай!

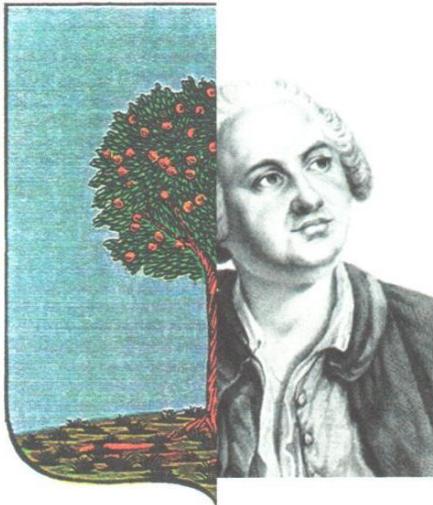
дрями целый ветер в щёку, тогда только замечал он, что он не на середине строки, а скорее на середине улицы...»

Н.В. Гоголь «Выбранные места из переписки с друзьями»: «Когда я начал читать Пушкину первые главы из «Мёртвых душ»... то Пушкин, который всегда смеялся при моём чтении (он же был охотник до смеха), начал понемногу становиться всё сумрачнее, сумрачнее, а наконец сделался совершенно мрачен. Когда же чтение кончилось, он произнёс голосом тоски: «Боже, как грустна наша Россия!» Меня это изумило. Пушкин, который так знал Россию, не заметил, что всё это карикатура и моя собственная выдумка! Тут-то я увидел, что значит дело, взятое от души, и вообще душевная правда...»

Гоголь в письме матери, 12 апреля 1835 года, из Петербурга: «Вы, говоря о моих сочинениях, называете меня гением. Как бы это ни было, но это очень странно. Меня, доброго, простого человека, может быть не совсем глупого, имеющего здравый смысл, называть гением! Я вас прошу, маменька, не называйте меня никогда таким образом...»

Но мы-то знаем, что маменька всегда права.

ВОПРОСЫ КОНКУРСА НА ЗНАНИЕ ИСТОРИИ ПЕТЕРГОФА И ОРАНИЕНБАУМА

Мы продолжаем совместный проект Государственного Музея-заповедника Петергоф, журнала «АВТОБУС» и Центра «ЭКЛЕКТИКА», посвящённый истории Ораниенбаума и Петергофа. Как вы помните, конкурс проводится в трёх возрастных номинациях, и победителей ждут интересные призы.

Предлагаем вашему вниманию третий и четвёртый вопросы конкурса.

Вопрос 3

Как известно, образцом, на который ориентировался Пётр I в строительстве Петергофа, был Версаль. Меж тем, в Версале фонтаны работают только по выходным дням и всего несколько часов. А в Петергофе фонтаны работают ежедневно с утра до вечера. Как подаётся вода в петергофские фонтаны? В фонтаны Летнего сада, например, воду поначалу качали с помощью устройства, которое врашали лошади. Потом для этой цели купили английскую паровую машину.

Напишите, что вам известно о том, как и откуда поступает вода в фонтаны Петергофа?

Вопрос 4

Один из наименее известных русских императоров недолго правил страной и остался в воспоминаниях современников, как некий курьёз. Будучи наследником престола, он жил в Ораниенбауме и очень любил свою резиденцию. В Ораниенбауме для него был сооружён ряд построек. Напишите, что вы о них знаете? О каком императоре речь?

Желаем удачи, и ждём письма с ответами на почтовый адрес 191186, С.-Петербург, Невский пр., д. 44, офис 4. Редакции журнала «АВТОБУС» или на электронный адрес: eclectica92@mail.ru.

Главный редактор

Игорь Воеводский

Над журналом работали:

Юрий Кружнов

Александр Воеводский

Обложка

Юрий Чигирёв

Оформление

Николай Баранов, Елена Эргардт

Идея рубрик:

Нереализованные проекты и

Парадоксальный Петербург -

Николай Баранов

Город на ладони - Юрий Чигирев

Иллюстрации

стр. 19-24, 28-30 и 3 стр.

обложки Елена Эргардт

Фотографии

стр. 2-3, 8-11 Игорь Воеводский

2 стр. обложки

Александр Воеводский

стр. 7-8, 10-14, 15, 27

Леонид Лавров

Отдел рекламы и
распространения

Елена Киселева

Журнал для детей

среднего школьного возраста

от 11 до 14 лет включительно.

Выходит один раз в два месяца.

Адрес редакции:

191186, Санкт-Петербург,

Невский пр., 44, бизнес-центр,

офис 4. Телефоны:

710-59-42, 710-59-54

e-mail: avtobus@eclectica.spb.ru

Зарегистрировано Управлением
федеральной службы по надзору
за соблюдением
законодательства в сфере
массовых коммуникаций и
охране культурного наследия
по Северо-Западному
федеральному округу.
Свидетельство ПИ №ФС2-8651
от 19.06.2007 года

Подписано к печати 10.04.2009
Тираж 2 000 экз.

Отпечатано в типографии

Взлёт

Заказ № 2051

Санкт-Петербург,

Колпинский район,

пос. Сапёрный.

тел.: 462-85-85

ЦЕНА ДОГОВОРНАЯ

Подписной индекс 83042
по каталогу Почта России

Приобрести журналы

в С.-Петербурге можно в киос-

ках ООО «Пресса»

и ЗАО «Нева-пресс»,

в киоске Центра «ЭКЛЕКТИКА

в кассовом зале станции метро

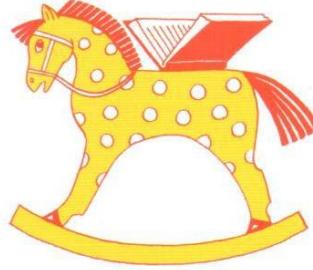
«Невский проспект»

ежедневно с 8.00 до 20.00

Предыдущие номера можно
приобрести в редакции

Проект реализован на средства гранта Санкт-Петербурга

«НОВАЯ ПРОЗА для НАШИХ ДЕТЕЙ»

АЛИСА ФОКС

БЕЛАЯ НОЧЬ

Белая ночь.

В кисейных занавесках слабо
бьётся пойманный ветер.

– Бабушка, расскажи сказку.

– Какую?

– Про Золушку.

Это игра.

На самом деле моя бабушка знает
всего одну сказку.

Про Золушку.

И только одну сказку я хочу
слушать каждую ночь перед сном.

Про Золушку.

...И когда Золушка в белом
кисейном платье оказывается во
дворце, кричу:

– Бабушка, я сейчас!

Стуча босыми пятками, бегу к
холодильнику.

Достаю баночку плавленного сыра.

Вязкая масса вкусно тает во рту,
почему-то оставляя на языке
незнакомое слово “перепёлка”. Что-то
из дворцовых блюд...

Я совершенно счастлива.

Бабушка расправляет занавеску.

Ветер выпархивает в ночь.

А глубоко в земле спят тыквенные
семечки...

Жаль, я не увижу, как они
превратятся в карету.

Сборник лауреатов конкурса 2005-2006 можно приобрести в редакции
журнала АВТОБУС и в Доме книги!

Подписной индекс 83042

1905 1905

ТЕАТРЪ СПБ. КОНСЕРВАТОРИИ
ИМПЕРАТОРСКАГО Русского Музыкального Общества.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ОПЕРА

подъ управлениемъ князя А. А. Перетеля

Седьмая симфония

31a Moderato

mf express.

55 Allegro con ferme

f

